

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АКРАМ КАРИМОВ против РОССИИ»

(Жалоба №62892/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

28 мая 2014 г.

вступило в силу 13 октября 2014 г.

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Акрам Каримов против России»,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель,*

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Мирьяна Лазарова Трайковска,

Юлия Лаффранк,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, *судьи,*

и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции,*

проведя заседание 6 мая 2014 г. за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ 62892/12), поданной 2 октября 2012 г. против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее именуемой «Конвенция») гражданином Российской Федерации Акрамом Ахмадовичем Каримовым (далее - «заявитель»).

2. Интересы заявителя в Суде представляли Н.Ермолаева и Е. Рябинина, адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г.Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что в случае его административного выдворения в Узбекистан он подвергнется риску пыток и жестокого обращения, что его содержание под стражей в ожидании выдачи и административного выдворения являлось незаконным, и что он не имел возможности эффективного судебного пересмотра последней жалобы.

4. 4 октября 2012 года Председатель Первой Секции принял решение указать властям, на основании правила 39 Регламента Суда, что заявителя не следует депортировать или выдворять в Узбекистан в течение всего периода проведения разбирательства по делу в Суде. Председатель также принял решение о рассмотрении жалобы в приоритетном порядке на основании правила 41 Регламента Суда.

5. 31 января 2013 года данная жалоба была доведена до сведения властей.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель, 1967 года рождения, проживает в г. Москве.

А. Общие сведения о заявителе и его прибытии в Россию

7. Заявитель женат, имеет троих детей, которые проживают в Узбекистане. Заявитель является верующим мусульманином. С 1996 г. он регулярно приезжал в Россию на сезонную работу. В 2010 г. заявитель снова приехал в Россию и оставался в Московской области до его задержания 17 марта 2012 г.

В. Уголовное производство в отношении заявителя в Узбекистане

8. 14 июня 2011 г. следователь Регионального управления национальной безопасности г. Бухары, Узбекистан, обвинил заявителя, *in absentia*, в подстрекательстве к расовой, национальной, этнической или религиозной ненависти или вражде, а также в изготовлении и распространении документов, содержащих угрозы национальной безопасности и общественному порядку (статьи 156 § 3 (d) и 244-1 § 3 (a) Уголовного кодекса Узбекистана). В указанном решении было, в частности, указано, что А., гражданин Узбекистана, сформировал организованную преступную группировку в 1996-1997 г.г. с целью распространения идей, основанных на

мусульманском религиозном экстремизме. Как следует из данного решения, заявитель принимал участие в указанной группе, когда возглавлял пекарню и отвечал за обеспечение работой и жильем остальных участников группировки.

9. В тот же день заявитель был объявлен в розыск.

10. 15 июня 2011 года Бухарский уголовный суд вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. В тот же день заместитель прокурора Бухарской области объявил заявителя в международный розыск.

С. Задержание и заключение заявителя под стражу в России с целью его экстрадиции в Узбекистан

11. 17 марта 2012 года заявитель был задержан сотрудниками полиции в городе Москве. В протоколе ареста, составленном в тот же день и подписанном заявителем, было указано, что он был задержан в соответствии со статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса в качестве лица, разыскиваемого властями Узбекистана по подозрению в совершении уголовных преступлений в соответствии со статьями 156 §3 (d) и 244 § 3 (a) Уголовного кодекса Узбекистана.

12. 18 марта 2012 г. заявитель был допрошен и указал следующее. В Узбекистане он работал строителем. Когда возникли трудности с работой в Узбекистане, в июле 1996 г. он впервые приехал в Россию в поисках работы. В течение трех месяцев он неофициально проживал в Московской области и затем вернулся в Узбекистан. С 1996 г. по 2010 г. он каждый год приезжал в Россию на несколько месяцев, в течение которых он работал неофициально на строительных площадках в Московской области. Он никогда не обращался за разрешением на временное пребывание в России. В октябре 2010 г. он снова приехал в Россию. Он поехал в поселок Поярково Московской области, где нашел жилье в передвижном домике вместе с тремя другими строителями. В октябре-ноябре 2010 г. он работал на строительной площадке в г. Химки. В 2011 г. он временно работал в различных местах в Поярково, включая выполнение некоторых строительных работ для жителей Поярково, и уборку улиц. 17 марта 2012 г. заявитель поехал на Казанский вокзал г. Москвы, так как хотел вернуться в Узбекистан. Он купил билет до г. Казани, где планировал купить билеты для дальнейшей поездки. Однако, перед посадкой на поезд к нему подошли три человека в штатском, которые сообщили, что являются сотрудниками полиции и предъявили свои удостоверения. Они сообщили заявителю, что в Узбекистане он объявлен в розыск и попросили его пройти в полицейский участок, расположенный недалеко от вокзала, что заявитель и сделал. По словам заявителя, когда он

разговаривал по телефону со своей женой весной 2011 г., она сказала, что сотрудники полиции спрашивали у нее о местопребывании заявителя, но не объяснили, почему они его разыскивают. В Узбекистане заявитель не подвергался преследованию по политическим причинам или в связи с обвинением в каких-либо уголовных преступлениях, и не обращался за предоставлением убежища в России. Заявитель указал, что он не знал, в связи с каким вмененным правонарушением он был объявлен в розыск.

13. 19 марта 2012 г. Министерство внутренних дел РФ получило от Министерства внутренних дел Узбекистана запрос о заключении заявителя под стражу в ожидании запроса о его выдаче.

14. Также 19 марта 2012 г. прокурор Мещанского района г. Москвы распорядился о заключении заявителя под стражу на основании статьи 61 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее - «Минская конвенция»). В указанном решении прокурор сослался на следующее: заявитель был задержан в России по подозрению в совершении нескольких уголовных преступлений на основании международного ордера на арест, выданного властями Узбекистана; Бухарский уголовный суд выдал ордер на арест заявителя; преступления, вмененные в вину заявителю, в России влекли за собой наказание в виде лишения свободы на срок более одного года; и заявитель пытался скрыться. В указанном решении не были указаны сроки содержания заявителя под стражей. Заявитель был немедленно помещен в СИЗО №4 г. Москвы. Заявителю не была предоставлена копия решения прокурора.

15. 23 марта 2012 г. Управление Федеральной миграционной службы по Московской области сообщило прокурору г. Москвы, что заявитель не обращался за предоставлением убежища в России.

16. 27 марта 2012 г. УФМС по г. Москве сообщило прокурору Мещанского района г. Москвы о том, что заявитель не обращался ни за получением российского гражданства, ни за предоставлением убежища. Он был зарегистрирован по месту жительства в г. Химки с 20 июня 2008 г. по 13 апреля 2009 г., но с тех пор не регистрировался в Московской области.

17. 29 марта 2012 г. УФМС по Московской области сообщила прокурору г. Москвы о том, что заявитель не является гражданином России и не обращался за предоставлением убежища, а также о том, что он был зарегистрирован по месту жительства в г. Химки с 20 июня 2008 г. по 13 апреля 2009 г., но с тех пор больше не регистрировался в Московской области.

18. 12 апреля 2012 г. адвокат заявителя обжаловала постановление о заключении под стражу от 19 марта 2012 г. В частности, она указала, что заключение под стражу являлось незаконным, так как распоряжение о нем было вынесено прокурором, а не судом, и что пункт 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса не подлежал применению в отношении заявителя на данном этапе судебных разбирательств.

19. 19 апреля 2012 г. Федеральная миграционная служба (далее – «ФМС») сообщила Генеральному прокурору о том, что заявитель был зарегистрирован по месту жительства в г.Химки с 20 июня 2008 г. по 13 апреля 2009 г. Он не получал российского гражданства и не обращался за предоставлением убежища.

20. 24 апреля 2012 г. Генеральная прокуратура РФ получила от Генеральной прокуратуры Узбекистана запрос о выдаче заявителя. Указанный запрос содержал заверения в том, что заявитель не будет подвергнут преследованию на основании его политических убеждений, этнического происхождения, религии или национальности, что ему будет предоставлена юридическая помощь; и что разбирательства по уголовному делу в отношении заявителя будут осуществляться в полном соответствии с законодательством Узбекистана. Дополнительно, заявитель не будет экстрадирован в третье государство или подвергнут уголовному преследованию, не имеющему отношения к преступлениям, в связи с которыми запрашивается его выдача.

21. Также 25 апреля 2012 г. прокурор Мещанского района г. Москвы распорядился о заключении заявителя под стражу в ходе судебных разбирательств по вопросу о его выдаче. Он ссылаясь на запрос о выдаче, полученный от властей Узбекистана и пункт 2 статьи 466 УПК. В указанном решении не были указаны сроки содержания заявителя под стражей.

22. 26 апреля 2012 г. адвокат заявителя дополнительно обжаловала постановление о заключении под стражу от 19 марта 2012 г. Она жаловалась, в частности, на то, что Узбекистан не ратифицировал Протокол от 28 марта 1997 г. к Минской конвенции, и следовательно, в отношениях между Россией и Узбекистаном применялась старая версия Минской конвенции, без поправок, внесенных в соответствии с указанным Протоколом. Следовательно, заявитель должен был быть освобожден 17 апреля 2012 г., через месяц после его задержания, в соответствии с пунктом 1 Статьи 62 Минской конвенции.

23. В тот же день Преображенский районный суд г. Москвы отложил слушание по жалобе, поданной адвокатом заявителя, до 3 мая 2012 г. с целью предоставления заявителю времени для получения копии решения прокурора от 19 марта 2012 г.

24. 27 апреля 2012 г. заявитель получил копию указанного решения.
25. 3 мая 2012 года Преображенский районный суд г. Москвы отклонил жалобу адвоката заявителя и оставил в силе постановление от 19 марта 2012 года. Суд усмотрел, что заявитель был задержан в соответствии со статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса, и что 19 марта 2012 г. он был заключен под стражу в ожидании получения запроса о выдаче на основании пункта 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса.
26. 12 мая 2012 г. адвокат заявителя обжаловала решение Московского городского суда от 3 мая 2012 г. Она утверждала, *inter alia*, что Преображенский районный суд г. Москвы не рассмотрел аргументы, указанные в жалобе.
27. 15 мая 2012 г. Мещанский районный суд г. Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей до 17 сентября 2012 г., ссылаясь на статьи 109 и 466 Уголовно-процессуального кодекса, статьи 56, 58 и 60 Минской конвенции, и статью 1957 Европейской конвенции об экстрадиции. Суд пришел к выводу о том, что запрос прокурора о продлении срока содержания заявителя под стражей является обоснованным, так как выдача заявителя была запрошена в связи с обвинениями в совершении правонарушений, подлежащих наказанию как в соответствии с российским законодательством, так и в соответствии с законодательством Узбекистана; заявитель являлся гражданином Узбекистана и не имел постоянного места жительства в России; он пытался скрыться от властей Узбекистана. Суд также отметил, что проверка в отношении заявителя в связи с его выдачей еще не была завершена.
28. 16 мая 2012 г. адвокат заявителя обжаловала данное постановление.
29. 30 мая 2012 г. Московский городской суд оставил в силе постановление от 15 мая 2012 г.
30. 23 июля 2012 г. Московский городской суд оставил в силе постановление от 3 мая 2012 г. Он также пришел к выводу о том, что Преображенский районный суд г. Москвы надлежащим образом рассмотрел аргументы, указанные адвокатом заявителя в апелляционной жалобе.
31. 17 сентября 2012 г. прокурор Мещанского района г. Москвы, ссылаясь на статьи 61 и 62 Минской конвенции, распорядился об освобождении заявителя по причине истечения шестимесячного максимального срока содержания под стражей, разрешенного внутригосударственным законодательством.

32. Также 17 сентября 2012 г. Генеральная прокуратура отказала в экстрадиции заявителя в Узбекистан, усмотрев, что правонарушения, подлежащие наказанию в соответствии со Статьей 244-1 Уголовного кодекса Узбекистана, не рассматривались в качестве уголовных преступлений в соответствии с российским уголовным законодательством. Так как он обвинялся в совершении преступлений, подлежащих наказанию в соответствии со статьей 156 пункт 3 (d) Уголовного кодекса Узбекистана, в его действиях отсутствовал состав преступления для целей статьи 282 российского Уголовного кодекса (разжигание ненависти и вражды, и унижающее достоинство обращение).

D. Административный арест заявителя в России и судебные разбирательства по вопросу об административном выдворении

33. 17 сентября 2012 г. сотрудники полиции препроводили заявителя из СИЗО в полицейский участок Красносельского района, где ему было предъявлено распоряжение прокурора об освобождении от 17 сентября 2012 г. Тем не менее, заявитель был сразу же снова задержан по подозрению в нарушении правил проживания в соответствии со статьей 18.8 Кодекса об административных правонарушениях, и в отношении заявителя были инициированы судебные разбирательства по вопросу о административном выдворении.

34. В протоколах об административном правонарушении и административном аресте от 17 сентября 2012 г., подписанных заявителем, он указал, что не согласен с арестом.

35. Телеграммой от 18 сентября 2012 г. Прокурор РФ сообщил прокурору г. Москвы, что 17 сентября 2012 г. запрос властей Узбекистана о выдаче заявителя был отклонен. В телеграмме также было указано, что необходимо принять решение о дальнейшем содержании заявителя под стражей и проверить правомерность его нахождения на территории Российской Федерации.

36. 18 сентября 2012 г. Мещанский районный суд г. Москвы отказался принимать дело на рассмотрение, так как материалы дела не содержали информации ни о результатах судебных разбирательств по вопросу о выдаче, ни судебных разбирательств по вопросу о предоставлении статуса беженца.

37. 19 сентября 2012 г. материалы дела о совершении заявителем административного правонарушения были переданы в Мещанский районный суд г. Москвы.

38. В письменном ходатайстве, поданном в Мещанский районный суд г. Москвы, адвокат заявителя возразила, что выдворение заявителя в Узбекистан будет незаконным. Она, в частности указала, что в случае высылки в Узбекистан заявитель, обвиненный в участии в запрещенной религиозной деятельности, столкнется с пытками и другими формами жестокого обращения. Адвокат заявителя также сослалась на прецедентную практику Суда в отношении выдворении в Узбекистан и последние доклады международных НПО, в соответствии с которыми заключенные, обвиненные в запрещенной религиозной деятельности, систематически подвергались пыткам и другим формам жестокого обращения в Узбекистане. Она также указала, что заявитель обращался за предоставлением статуса беженца в России, и соответствующие судебные разбирательства еще не были завершены; в соответствии с Законом о беженцах 1993 г. и Женевской конвенцией о статусе беженцев 1951 г., заявитель не мог быть выдворен из России до окончания указанных судебных разбирательств.

39. 19 сентября 2012 г. Мещанский районный суд г. Москвы признал заявителя виновным в нарушении правил проживания, наложил на него штраф в размере 2 000 рублей (приблизительно 50 евро) и распорядился о его административном выдворении из Российской Федерации. Указанный суд, в частности, выяснил, что заявитель прибыл в Россию 20 октября 2010 г. с целью найти работу. Тем не менее, он не предпринял попыток узаконить свое пребывание в России посредством обращения либо за разрешением на временное пребывание, либо за разрешением на работу. Кроме того, он не покинул Россию по истечении максимального периода в девяносто дней, в течение которого иностранным гражданам не требуется виза для пребывания в России. На слушании заявитель признал, что незаконно находился в России, но указал, что в течение долгого времени был неспособен узаконить свое пребывание, так как его документы находились у его работодателя. Тем не менее, он получил свой паспорт в конце 2011 г. и все же не принял никаких мер для узаконивания своего пребывания. Суд также указал, что при наложении штрафа было принято во внимание положение заявителя, включая отсутствие у него стабильного дохода и проживание в России, продолжительность его пребывания в России без разрешения, и тот факт, что он был осведомлен о необходимости наличия разрешения.

40. Суд пришел к выводу о том, что утверждения заявителя в отношении риска жестокого обращения в случае его выдворения в Узбекистан были «основаны на предположениях» и не были «подвержены материалами дела». Суд также отклонил аргумент адвоката заявителя о том, что заявитель не мог быть подвергнут административному выдворению, так как его заявление о предоставлении статуса беженца находится на стадии рассмотрения. Суд указал в связи с этим, что 28 августа 2012 г. Московская ФМС отклонила указанное заявление и по состоянию на дату слушания заявитель не

обжаловал указанное решение ФМС. Суд также постановил, принимая во внимание финансовое положение, а также необходимость обеспечить выдворения заявителя с территории Российской Федерации, что заявитель подлежит заключению под стражу до «решения вопроса о его административном выдворении». После вынесения указанного решения заявитель был помещен в изолятор временного содержания для иностранцев в г. Москве.

41. 28 сентября 2012 г. адвокат заявителя обжаловала решение Московского городского суда от 19 сентября 2012 г. Она повторила аргументы, указанные в суде первой инстанции, и пожаловалась на то, что суд первой инстанции не оценил надлежащим образом риск жестокого обращения, которому заявитель может подвергнуться в случае его выдворения в Узбекистан. Она указала, что Мещанский районный суд г. Москвы отказал в рассмотрении докладов международных НПО в отношении ситуации с правами человека в Узбекистане и проигнорировал позицию Суда по данному вопросу.

42. 2 октября 2012 г. заявитель обратился к Европейскому Суду с просьбой применить правило 39 Регламента Европейского Суда.

43. 4 октября 2012 г. Суд удовлетворил запрос заявителя о применении временных мер в соответствии с правилом 39 Регламента Суда и указал властям на то, что заявитель не подлежит высылке в Узбекистан на время судебных разбирательств в Суде.

44. 8 октября 2012 г. Генеральный прокурор указал прокурору г. Москвы исполнить указания Суда в отношении временных мер в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

45. 9 октября 2012 г. прокурор г. Москвы указал прокурору Мещанского района г. Москвы обратиться в Мещанский районный суд г. Москвы с целью приостановки выдворения заявителя в Узбекистан в свете применения Судом правила 39 Регламента Суда.

46. 10 октября 2012 г. прокурор Мещанского района г. Москвы запросил приостановку Мещанским районным судом г. Москвы выдворения заявителя в Узбекистан в свете применения Судом правила 39 Регламента Суда.

47. В тот же день Московская ФМС сообщила Московскому городскому суду о том, что заявитель не был зарегистрирован в миграционном реестре и ему не было выдано разрешение на работу.

48. Также 10 октября 2012 г. Московский городской суд оставил постановление от 19 сентября 2012 г. без изменения, установив, что оно

являлось законным и обоснованным. Указанный суд постановил, что суд первой инстанции пришел к верному выводу о том, что действия заявителя представляли собой административное правонарушение. Апелляционный суд также отклонил аргумент о том, что заявитель не мог быть подвергнут административному задержанию по причине его обращения за предоставлением убежища, так как (i) он обратился за предоставлением убежища только после ареста; и (ii) причины, которые он привел в отношении нежелания возвращаться в Узбекистан, не представляли собой обоснованный страх преследования на основании его религии, национальности, этнического происхождения, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

49. 25 октября 2012 г. Мещанский районный суд г. Москвы распорядился о приостановлении исполнения постановления от 19 сентября 2012 г. в ожидании рассмотрения жалобы прокурором Мещанского района г. Москвы.

50. 13 декабря 2012 г. Московский городской суд получил назад данную жалобу от прокурора Мещанского района г. Москвы без рассмотрения на том основании, что в соответствии со Статьей 30.12 Кодекса об административных правонарушениях прокурор не имел полномочий ходатайствовать о приостановлении вступившего в силу постановления суда.

51. 15 декабря 2012 г. адвокат заявителя направила ходатайство в Мещанский районный суд г. Москвы в соответствии со статьей 31.8 Кодекса об административных правонарушениях. Она ходатайствовала о разъяснении в отношении исполнения постановления от 19 сентября 2012 г. с учетом применения Судом правила 39 Регламента Суда. Мещанский районный суд г. Москвы получил указанное ходатайство 28 декабря 2012 г. Ввиду отсутствия ответа адвокат заявителя повторно подала ходатайство 19 марта 2013 г.

52. 8 апреля 2013 г. Мещанский районный суд г. Москвы в письменной форме сообщил адвокату заявителя о том, что суд пришел к выводу об отсутствии оснований для рассмотрения ее ходатайства в соответствии со статьей 31.8 Кодекса об административных правонарушениях. Следовательно, оно подлежало рассмотрению в общем порядке. Суд рекомендовал адвокату заявителя обратиться в компетентные исполнительные органы с запросами в отношении исполнения постановления от 19 сентября 2012 г. Данное письмо было отправлено 18 апреля 2013 г.

Е. Ходатайство о получении статуса беженца в России

53. 20 апреля 2012 г. заявитель подал ходатайство о получении статуса беженца на территории России.

54. 28 августа 2012 г. Московская ФМС отказала заявителю в предоставлении статуса беженца. ФМС отметила, что хотя заявитель обосновал свое ходатайство предполагаемым риском преследования на основании вероисповедания, он указал, что покинул Узбекистан по экономическим причинам. Тем не менее, заявитель боялся, что в случае его возвращения правоохранительные органы Узбекистана с помощью пыток получат от него признание в совершении преступлений, которых он не совершал. ФМС дополнительно проанализировала применимое законодательство Узбекистана о запрете пыток и свободе вероисповедания, а также информацию о совместном существовании различных религий в Узбекистане. ФМС отметила, что заявитель покинул Узбекистан не по любой из причин, указанных в разделе 1, пункт 1 (1) Закона о беженцах. Более того, по-видимому, желание заявителя не возвращаться в Узбекистан было основано не на страхе преследования на основании вероисповедания, национальности, этнического происхождения, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждениях, а скорее на его страхе наказания за преступления, в совершении которых он обвинялся в Узбекистане. Следовательно, он не отвечал критериям, определенным в разделе 1, пункт 1(1) Закона о беженцах.

55. 26 сентября 2012 г. заявитель обжаловал данное решение ФМС.

56. 10 ноября 2012 г. ФМС отклонила жалобу заявителя на решение от 28 августа 2012 г. ФМС привела обоснования такого решения и добавила, что, хотя, по словам заявителя, с 2002 г. он регулярно приезжал в Россию на сезонную работу, у него имелось разрешение на работу только на срок с 30 мая 2008 г. по 28 сентября 2010 г.

57. 17 января 2013 г. заявитель обжаловал данное решение в Басманном районном суде г. Москвы. Он возразил, что так как судебные разбирательства по уголовному делу в его отношении были инициированы в Узбекистане, его страх преследования на основании вероисповедания являлся обоснованным.

58. 1 апреля 2013 г. Басманный районный суд г. Москвы отклонил апелляцию заявителя. Указанный суд отметил, что, хотя ситуация с правами человека в Узбекистане являлась «неоднозначной», Узбекистан являлся стороной множества международных договоров о защите прав человека и регулярно подавал отчеты в ООН о соблюдении таких договоров. Указанный суд также отметил, что решение о предоставлении статуса беженца должно приниматься не на основании общей ситуации в стране, а на основании конкретных обстоятельств заявителя. Поэтому ФМС верно отклонила ходатайство, так как заявитель не представил доказательств того, что в

случае его возвращения в Узбекистан существовал реальный риск быть подвергнутым жестокому обращению.

59. 13 мая 2013 г. заявитель обжаловал данное постановление в Московский городской суд. Судебное заседание по рассмотрению кассационной жалобы было назначено на 30 июля 2013 г.

60. Суду ничего не сообщили о результатах указанных судебных разбирательств по обжалованию.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ

A. Производство по вопросу об экстрадиции

1. Уголовно-процессуальный кодекс

61. Глава 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — «УПК РФ») 2002 года регламентирует порядок действий в случае выдачи лица.

62. Решение Генерального прокурора Российской Федерации о выдаче может быть обжаловано в суде (часть 1 статьи 463 УПК РФ). В случае обжалования решения выдача не может быть осуществлена вплоть до вступления в законную силу судебного решения (часть 6 статьи 462 УПК РФ).

63. Проверка законности и обоснованности решения о выдаче лица производится судом в течение одного месяца со дня получения распоряжения или запроса для рассмотрения. Решение должно приниматься в открытом судебном заседании судом, состоящим из трех судей, с участием прокурора, лица, в отношении которого получен запрос о выдаче, и защитника последнего (часть 4 статьи 463 УПК РФ).

64. Вопросы виновности или невиновности не подлежат судебному пересмотру: суд ограничивается проверкой соответствия решения о выдаче данного лица порядку, установленному в применимом международном и внутреннем законодательстве (часть 6 статьи 463 УПК РФ).

65. В части 1 статьи 464 перечисляются причины, по которым может быть отказано в выдаче. Таким образом, должно быть отказано в выдаче следующих лиц: гражданина Российской Федерации (пункт (1) части 1 статьи 464 УПК РФ) или лица, которому предоставлено убежище в Российской Федерации (пункт (2) части 1 статьи 464 УПК РФ); лица, в отношении которого на территории Российской Федерации вынесен вступивший в законную силу приговор или прекращено производство по

уголовному делу в связи с тем же самым деянием, за которое оно было подвергнуто уголовному преследованию в государстве, запрашивающем его выдачу (пункт(3) части 1 статьи 464 УПК РФ); лица, в отношении которого в соответствии с законодательством Российской Федерации уголовное дело не может быть возбуждено или приговор не может быть приведен в исполнение вследствие истечения сроков давности или по иному законному основанию (пункт(4) части 1 статьи 464 УПК РФ); или лица, в отношении которого имеется решение суда Российской Федерации о наличии препятствий для выдачи данного лица в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами (пункт(5) части 1 статьи 464 УПК РФ). Наконец, в выдаче лица должно быть отказано, если деяние, послужившее основанием для запроса о выдаче, в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации не является преступлением (пункт(6) части 1 статьи 464 УПК РФ).

66. В случае, когда иностранный гражданин или лицо без гражданства, в отношении которого поступил запрос о выдаче, подвергается уголовному преследованию или отбывает наказание за другое преступление на территории Российской Федерации, его выдача может быть отсрочена до прекращения уголовного преследования, освобождения от наказания по любому законному основанию либо до исполнения приговора (часть 1 статьи 465).

2. Решение Верховного Суда Российской Федерации

67. В своем Постановлении №11 от 14 июня 2012 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, со ссылкой на статью 3 Конвенции, что лицо не подлежит выдаче в случае, если имеются убедительные основания полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто пыткам или бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению. В выдаче лица также может быть отказано в тех случаях, когда исключительные обстоятельства свидетельствуют о том, что выдача может повлечь опасность для его жизни и здоровья ввиду, в том числе, его возраста или физического состояния. Российские власти, занимающиеся выдачей, должны изучить наличие оснований полагать, что к лицу могут быть применены наказание в виде смертной казни, жестокое обращение или преследование по признаку расовой принадлежности, религиозных убеждений, национальности, этнического или социального происхождения, политических убеждений. Судам следует оценивать как общую ситуацию в запрашивающем государстве, так и личные обстоятельства лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче. Ими должны учитываться показания лица, в отношении которого принято решение о выдаче, и показания свидетелей, гарантии запрашивающего государства и информация о данном государстве, представленная Министерством иностранных дел

Российской Федерации, соответствующими органами ООН и Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

68. В том же постановлении Верховный суд обратил внимание на тот факт, что статья 62 Минской конвенции предусматривала, что срок содержания под стражей до получения запроса о выдаче не должен превышать одного месяца. Он также указал, что если запрашивающее государство является стороной Протокола от 28 марта 1997 г. к Минской конвенции, срок содержания под стражей в ожидании запроса о выдаче не должен превышать сорока дней.

В. Содержание под стражей в ожидании выдачи и пересмотр решений о содержании под стражей

1. Конституция Российской Федерации

69. Конституция гарантирует право на свободу (статья 22):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

70. Статья 46 Конституции предусматривает, в числе прочего, что любому лицу должна быть гарантирована юридическая защита его прав и свобод, а также предусматривает, что решения, действия или бездействие со стороны государственных органов, органов местного самоуправления, общественных организаций и должностных лиц могут быть оспорены в суде.

2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам стран СНГ 1993 года («Минская конвенция»)

71. Судебные разбирательства по вопросу об экстрадиции регулируются Минской конвенцией, сторонами которой являются Россия и Узбекистан, с учетом поправок, внесенных Протоколом от 28 марта 1997 г., ратифицированным Россией 9 ноября 2001 г. Узбекистан подписал упомянутый Протокол, но не ратифицировал его. Соответствующие положения Минской конвенции гласят:

Статья 8. Исполнение поручений об оказании помощи

«1. При исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны. По

просьбе запрашивающего учреждения оно может применять процессуальные нормы запрашивающей Договаривающейся Стороны, за исключением случаев, когда такие нормы противоречат законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны».

Статья 58.

«1. Запрос о выдаче должен содержать:

- (a) наименование запрашивающего учреждения;
- (b) описание фактических обстоятельств соответствующего деяния и текст закона запрашивающей Договаривающейся Стороны, на основании которого соответствующее действие является правонарушением;
- (c) фамилию, имя и отчество лица, подлежащего выдаче, его национальность, место пребывания или жительства, описание его внешности, если возможно, и другие сведения о его личности;
- d) характер и размер вреда, причиненного преступлением;

2. К запросу о выдаче должна быть приложена заверенная копия постановления о заключении под стражу».

Статья 60. Розыск и взятие под стражу [с целью] выдачи

По получении запроса о выдаче запрашиваемая Договаривающаяся Сторона немедленно принимает меры к розыску и взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена».

Статья 61. Содержание под стражей или задержание до получения запроса о выдаче

«1. Лицо, выдача которого требуется, по соответствующему ходатайству может быть заключено под стражу и до получения требования о выдаче. В таком ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу или на приговор, вступивший в законную силу, и указание того, что запрос о выдаче будет представлен дополнительно. Ходатайство о взятии под стражу до получения запроса о выдаче может быть отправлено по почте, передано по телеграфу, телексу или телефаксу.

2. Лицо может быть задержано и без ходатайства, указанного в пункте 1 настоящей статьи, если имеются законные основания подозревать такое лицо

в совершении преступления, которое может привести к выдаче на территорию другой Договаривающейся Стороны.

3. Другая Договаривающаяся Сторона должна быть немедленно уведомлена в случае применения взятия под стражу или задержания до получения запроса о выдаче».

Статья 62. Освобождение лица, задержанного или взятого под стражу

«1. Лицо, заключенное под стражу в соответствии с пунктом 1 статьи 61 и статьей 61-1, должно быть освобождено при получении от запрашивающей Договаривающейся Стороны уведомления о том, что необходимо освободить лицо, или, если запрашивающая Договаривающаяся Сторона не представит запрос о выдаче со всеми необходимыми сопутствующими документами, указанными в статье 58, в течение сорока дней со дня взятия под стражу.

2. Лицо, задержанное в соответствии с пунктом 2 статьи 61, должно быть освобождено, если ходатайство о взятии его под стражу в соответствии с пунктом 1 статьи 61 не получено в срок, предусмотренный законодательством, регулирующим вопросы заключения под стражу».

72. Пункт 1 статьи 62 в оригинальной версии, без учета поправок, внесенных Протоколом от 28 марта 1997 г., гласит следующее:

«Лицо, взятое под стражу в соответствии с пунктом 1 статьи 61, должно быть освобождено, если запрос о выдаче не получен в течение месяца со дня [его] взятия под стражу».

3. Уголовно-процессуальный кодекс

73. Пункт 3 статьи 1 Уголовно-процессуального кодекса гласит, что общие принципы и нормы международного права и международных договоров, стороной которых является Российская Федерация, представляют собой часть законодательства РФ в отношении судебных разбирательств по уголовным делам. Если международный договор предусматривает правила, отличные от указанных в Уголовно-процессуальном кодексе, применяются первые.

74. В Уголовно-процессуальном кодексе термин «суд» определяется как «любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные настоящим Кодексом» (пункт 48 статьи 5). Термин «судья» определяется в УПК РФ как «должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие» (пункт 54 статьи 5).

75. Пункт 2 статьи 91 предусматривает, что лицо, подозреваемое в совершении правонарушения, может быть заключено под стражу, в частности, если такое лицо пыталось скрыться. В соответствии с пункт 1 статьи 92 протокол ареста должен быть составлен в течение трех часов после ареста. Пункт 2 статьи 94 предусматривает, что подозреваемый может содержаться под стражей в течение не более чем сорока восьми часов без распоряжения суда о его взятии под стражу.

76. Глава 13 Уголовно-процессуального кодекса («Меры пресечения») регулирует использование мер пресечения в ожидании завершения судебных разбирательств по уголовному делу. Такие меры включают в себя взятие под стражу. Заключение под стражу применяется по судебному решению на основании ходатайства следователя или прокурора в отношении обвиняемого в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (пункт 1 и 3 статьи 108 УПК РФ). Первоначальный срок содержания под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца (пункт 1 статьи 109). Этот срок может быть продлен судьей на срок до шести месяцев (пункт 2 статьи 109). Срок содержания под стражей может быть продлен до двенадцати месяцев, а в исключительных случаях - до восемнадцати месяцев, только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений (пункт 3 статьи 109). Продление срока свыше восемнадцати месяцев не допускается, и заключенный подлежит немедленному освобождению (пункт 4 статьи 109). Мера пресечения отменяется, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения. Отмена или изменение меры пресечения производится следователем, прокурором или судом (статья 110).

77. Глава 16 («Обжалование в суд действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство») закрепляет возможность обжалования в суд действий (бездействия) и решений следователя или прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства (пункт 1 статьи 125). Рассмотрение этих жалоб находится в компетенции районного суда по месту производства предварительного расследования (там же). После рассмотрения жалобы судья может вынести решение об объявлении оспариваемого действия, бездействия или решения правоохранительного органа незаконным или необоснованным и указать такому органу устранить указанный недостаток, или судья может отклонить жалобу (пункт 5 статьи 125).

78. Глава 54 («Выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора») регулирует процедуру выдачи. При получении запроса о выдаче,

к которому не прилагается постановление о задержании, вынесенное судом иностранного государства, прокурор должен решить вопрос о необходимости избрания меры пресечения лицу, в отношении которого поступил запрос о выдаче. Такая мера должна применяться в соответствии с установленным порядком (пункт 1 статьи 466 УПК РФ). Если к запросу о выдаче лица прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу, то прокурор вправе подвергнуть это лицо домашнему аресту или заключить его под стражу без подтверждения указанного решения судом Российской Федерации (пункт 2 статьи 466).

4. Применимая судебная практика Конституционного Суда

(а) Определение Конституционного Суда №101-О от 4 апреля 2006 года

79. 4 апреля 2006 года Конституционный суд рассмотрел жалобу Н., который утверждал, что отсутствие временного ограничения на содержание под стражей лица, ожидающего выдачи, несовместимо с конституционными гарантиями защиты от произвольного задержания. Конституционный суд объявил жалобу неприемлемой. По мнению суда, отсутствие какой-либо конкретной нормы в отношении содержания под стражей в пункте 1 статьи 466 не привело к наличию пробела в законодательстве, противоречащему Конституции. Пункт 1 статьи 8 Минской конвенции предусматривал, что при исполнении запроса о предоставлении правовой помощи запрашиваемая сторона применяет внутригосударственное право, то есть исполняет процедуру, установленную Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Эта процедура включает в себя, в частности, пункт 1 статьи 466 Кодекса и положения Главы 13 («Меры пресечения»), которые в силу своего общего характера и расположения в первом разделе Кодекса («Основные положения») применяются ко всем стадиям и формам уголовного производства, включая процедуру рассмотрения запросов о выдаче. Следовательно, статья 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не позволяла властям применять меру пресечения без соблюдения процедуры, установленной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, или с нарушением сроков, установленных Кодексом.

(b) Определение Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 года по ходатайству Генеральной прокуратуры о разъяснении

80. Генеральный прокурор Российской Федерации обратился в Конституционный суд Российской Федерации за официальным разъяснением Определения №101-О от 4 апреля 2006 года (см. выше) с целью, в частности, уточнения процедуры продления срока содержания лица под стражей с целью выдачи.

81. Конституционный суд отклонил ходатайство на том основании, что не имел компетенции для указания конкретных норм уголовного права по процедуре и срокам содержания лица под стражей с целью выдачи. Это является задачей судов общей юрисдикции.

(с) Решение Конституционного суда № 333-О-П от 1 марта 2007 года

82. Конституционный суд напомнил, что в его устоявшейся практике объем конституционного права на свободу и личную неприкосновенность одинаков для иностранных граждан, лиц без гражданства и граждан России. Иностранец или лицо без гражданства не могут быть задержаны в России более чем на 48 часов без постановления суда. Это конституционное требование служит гарантией защиты не только от избыточной продолжительности срока задержания сверх 48 часов, но и от произвольного задержания как такового, поскольку суд оценивает законность и обоснованность применения задержания к конкретному лицу.

83. Конституционный суд постановил, что часть 1 статьи 466 УПК в совокупности с Минской конвенцией не может быть истолкована как разрешение на содержание лица под стражей более 48 часов на основании запроса о его/ее выдаче без постановления российского суда. Мера, связанная с содержанием под стражей, может быть применена только в соответствии с процедурой, установленной УПКРФ, и в срок, оговоренный в указанном Кодексе.

(d) Определение Конституционного Суда № 383-О-О от 19 марта 2009 года

84. Этим определением Конституционный суд отклонил в качестве неприемлемой жалобу о несоответствии Конституции пункта 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса, придя к следующему выводу:

«[соответствующее положение] не определяет сроки содержания под стражей и не определяет причины и процедуру выбора меры пресечения, оно лишь подтверждает полномочия прокурора в отношении исполнения решения, уже вынесенного компетентным судебным органом иностранного государства, о заключении обвиняемого под стражу. Таким образом, оспариваемая норма не может считаться нарушающей конституционные права [истца] ...».

5. Применимая судебная практика Верховного суда

(а) Постановление № 1 от 10 февраля 2009 г.

85. В Постановлении № 1, принятом Пленарной сессией Верховного суда Российской Федерации 10 февраля 2009 г., было дано несколько указаний для судов по применению статьи 125 УПК. Пленум повторил, что любой участник уголовного судопроизводства или иное лицо, чьи права и свободы были затронуты действиями или бездействием органов следствия или органов прокуратуры в рамках уголовного судопроизводства, мог ссылаться на статью 125 УПК РФ, чтобы оспорить отказ в возбуждении уголовного дела или решение о его прекращении. Пленум указал, что при этом сфера действия решений, подлежащих судебному пересмотру в соответствии со статьей 125, включала также решения о возбуждении уголовных дел, отказы в принятии адвокатов стороны защиты или о предоставлении статуса потерпевшего, и лицо не могло опираться на статью 125 с целью оспаривания решения суда о наложении штрафа или домашнего ареста или заключении под стражу. Также было подчеркнуто, что при объявлении определенного действия или бездействия правоохранительных органов незаконным или необоснованным, судья не имел право отменить оспариваемое решение или обязать официальное лицо отменить его, но мог лишь потребовать устранить выявленные недостатки. Если орган, вынесший оспариваемое решение, не выполняет указания суда, заинтересованная сторона может вновь обратиться в суд с жалобой на бездействие данного органа, и суд может вынести частное определение, привлекая внимание органа к сложившейся ситуации. Наконец, в решении было указано, что решение прокурора о содержании лица под домашним арестом или содержании под стражей с целью выдачи может быть обжаловано в суд в соответствии со статьей 125 УПК.

(b) Постановление № 22 от 29 октября 2009 г.

86. 29 октября 2009 года Пленарное заседание Верховного суда Российской Федерации приняло Постановление № 22, в котором говорилось, что согласно пункта 1 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса только суд мог принять решение о содержании под стражей лица, в отношении которого проводилась проверка перед выдачей, если органы власти страны, запрашивающей выдачу, не предоставили судебного решения о взятии такого лица под стражу. В таком случае судебное решение вопроса о заключении под стражу должно быть принято в соответствии со статьей 108 УПК и после ходатайства прокурора о заключении лица под стражу. Принимая решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, суду надлежит проверить фактические и правовые основания для избрания такой меры пресечения. Если с запросом о выдаче представляется решение иностранного суда о помещении под стражу, прокурор имеет право поместить лицо под стражу без санкции российского суда (пункт 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса) на срок, не превышающий двух месяцев; при этом решение прокурора можно обжаловать в суде согласно статье 125 Уголовно-процессуального кодекса. При продлении срока содержания под стражей с

целью выдачи суд должен руководствоваться статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса.

(с) Постановление № 11 от 14 июня 2012 года

87. В постановлении № 11 от 14 июня 2012 г., Пленум Верховного суда постановил, что лицо, выдача которого требуется, может быть задержано до получения запроса о его выдаче только в случаях, предусмотренных международными договорами, в которых Россия является одной из сторон, таких как Минская конвенция. Такое заключение под стражу должно быть избрано в качестве меры пресечения и продлено судом в соответствии с процедурой и сроками, установленными статьями 108 и 109 УПК. В постановлении должен быть указан срок содержания под стражей и дата его окончания. Если запрос о выдаче не поступает в течение месяца или сорока дней, а запрашивающее государство является стороной Минской конвенции, то лицо, выдача которого запрашивается, должно быть немедленно освобождено.

С. Судопроизводство по вопросу о выдворении

1. Закон «О правовом положении иностранных граждан»

88. Пункт 1 Раздела 5 Закона № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее - «Закон об иностранцах») предусматривает, что иностранный гражданин, которому не требуется виза для временного пребывания в России, имеет право находиться в России в течение не более чем девяноста дней, за исключением случаев, когда иное предусмотрено Законом.

89. Пункт 2 статьи 5 указанного Закона предусматривает, что иностранный гражданин обязан выехать из России по истечении разрешенного срока, за исключением случаев, когда на день истечения указанного срока ему продлен разрешенный срок или выдано новое разрешение, либо у него принято заявление и иные документы, необходимые для получения им разрешения.

90. Пункт 3 Раздела 5 Закона предусматривает, что разрешенный срок временного пребывания иностранного гражданина в России может быть продлен или сокращен, если условия или обстоятельства, на основании которых было разрешено временное пребывание, изменились или прекратили существовать. В соответствии с пунктом 4 Раздела 5 компетентный исполнительный орган принимает решение о продлении или сокращении разрешенного срока.

91. В соответствии с пунктом 5 Раздела 34 иностранные граждане, подлежащие административному выдворению, которые были помещены под стражу в соответствии с распоряжением суда, содержатся в специальных учреждениях до исполнения решения об административном выдворении.

2. Кодекс об административных правонарушениях

92. В соответствии с подпунктом (7) пункта 1 статьи 3.2 административное выдворение является административным штрафом. В пункте 1 статьи 3.10 Кодекса об административных правонарушениях административное выдворение определяется в качестве принудительного и контролируемого удаления иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы российской территории. В соответствии с пунктом 2 статьи 3.10 административное выдворение налагается судьей, или в случаях, когда иностранный гражданин или лицо без гражданства совершило административное правонарушение при въезде в Российскую Федерацию, компетентным официальным должностным лицом. В соответствии с пунктом 5 статьи 3.10, для целей исполнения решения об административном выдворении судья имеет право распорядиться о заключении иностранного гражданина или лица без гражданства под стражу в специальном учреждении.

93. Статья 18.8 предусматривает, что нарушение иностранным гражданином режима пребывания в Российской Федерации, выразившееся, в том числе, в пребывании на территории России без соответствующего действующего разрешения или в несоблюдении установленного порядка регистрации, влечет наложение административного штрафа в размере от 2 000 до 5 000 рублей с административным выдворением или без такового. Согласно пункту 2(1) статьи 28.3 протокол об административном правонарушении, как указано в статье 18.8, составляет сотрудник полиции. В соответствии с пунктом 2 (1) статьи 28.8, протокол передается на рассмотрение судье немедленно после его составления. Пункт 3 статьи 23.1 предусматривает, что дела об административных правонарушениях, влекущих административное выдворение за пределы Российской Федерации, рассматриваются судьями судов общей юрисдикции. Пункт 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях гарантирует право обжалования решения по делу об административном правонарушении в суд или в вышестоящий суд.

94. В соответствии с пунктом 2 статьи 27.5, лицо, в отношении которого проводятся административные разбирательства в связи с нарушением правил пребывания на территории России, может содержаться под стражей в течение не более чем сорока восьми часов.

95. В соответствии со статьей 31.1, решение по административному правонарушению вступает в силу по истечении срока подачи апелляции. Не подлежащие обжалованию решения вступают в силу немедленно.

96. Пункт 3 статьи 31.3 предусматривает, что решение по административному правонарушению подлежит отправке органу, обладающему компетенцией для его исполнения, в течение трех дней после вступления в силу. В соответствии с пунктом 1 статьи 31.4, решение по административному правонарушению исполняется компетентным органом или компетентным должностным лицом в соответствии с процедурой, предусмотренной в Кодексе об административных правонарушениях и применимом законодательстве. В соответствии с пунктом 3 статьи 31.4, если процедура исполнения решения неясна, орган, ответственный за его исполнение, или лицо, в отношении которого проведены административные разбирательства, имеет право обратиться в суд или в компетентный орган с запросом о разъяснении процедуры. В соответствии с пунктом 1 статьи 31.8, суд должен рассмотреть заявление в течение трех дней со дня возникновения вопросов, приведших к разъяснению, и, в соответствии с пунктом 3 статьи 31.8 вынести постановление, которое подлежит отправке заявителю в течение трех дней.

97. В соответствии с пунктом 1 статьи 31.9, решение о назначении административного наказания не подлежит исполнению в случае, если оно не было приведено в исполнение в течение двух лет со дня вступления решения в силу. В соответствии с пунктом 2 статьи 31.9, течение срока давности, указанного в пункте 1 статьи 31.9, прерывается в случае уклонения лица, привлеченного к административной ответственности, от его исполнения.

98. Статьей 3.9 предусмотрено, что лицо, совершившее административное правонарушение, может быть подвергнуто наказанию в виде административного ареста лишь в исключительных случаях и на максимальный срок до тридцати дней.

3. Закон о порядке въезда и выезда

99. Пункт 2 статьи 27 Федерального закона № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее - «Закон о въезде и выезде») предусматривает, что иностранному гражданину, в отношении которого была применена депортация или административное выдворение за пределы Российской Федерации, не разрешается въезд на территорию Российской Федерации в течение пяти лет со дня депортации или административного выдворения.

4. Применимая судебная практика Конституционного суда

100. В решении № 6-Р от 17 февраля 1998 г. Конституционный суд указал, ссылаясь на статью 22 Конституции, что лицо, подлежащее административному выдворению, может быть заключено под стражу без распоряжения суда на срок, не превышающий сорока восьми часов. Заключение под стражу на срок более сорока восьми часов разрешено только на основании распоряжения суда и при условии, что административное выдворение не может быть осуществлено в ином порядке. Распоряжение суда необходимо для гарантии защиты не только от произвольного заключения под стражу на срок, составляющий более сорока восьми часов, но также от произвольного заключения под стражу как такового, при этом суд оценивает законность и основания для заключения лица под стражу. Конституционный суд также отметил, что заключение на неопределенный срок привело бы к недопустимому ограничению права на свободу, так как представляло бы собой наказание, не предусмотренное российским законодательством и противоречащее Конституции.

Д. Статус беженцев

1. Женевская конвенция 1951 года о статусе беженцев

101. Статья 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года, которая была ратифицирована Россией 2 февраля 1993 года, предусматривает следующее:

«1. Договаривающиеся Государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

2. Это постановление, однако, не может применяться к беженцам, рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осужденным вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны.»

2. Закон о беженцах

102. В Законе «О беженцах» (№ 4258-І от 19 февраля 1993 года), действующем в соответствующий период времени, принято определение термина «беженец», изложенное в статье 1 Женевской конвенции 1951 года в редакции Протокола 1967 года о статусе беженцев. Согласно Закону, беженец – это лицо, которое не является российским гражданином и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических

убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны, или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений (подпункт «1» пункта 1 раздела 1).

103. Положения данного Закона не распространяются на лицо, в отношении которого имеются серьезные основания предполагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества, или же тяжкое преступление неполитического характера вне пределов территории указанной страны и до того, как оно было допущено на территорию данной страны в качестве лица, ходатайствующего о признании беженцем (подпункты «1» и «2» пункта 1 раздела 2).

104. Лицо, подавшее заявление на получение статуса беженца или которому присвоен статус беженца, не может быть возвращено в государство, в котором его жизни или свободе угрожает опасность вследствие расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений (пункт 1 раздела 10).

105. Решения правоохранительных органов, принятые в связи с Законом о беженцах, могут быть обжалованы в вышестоящем органе или суде (пункт 2 статьи 10). Решение может быть оспорено в течение одного месяца с момента получения письменного уведомления об этом, или, в случае отсутствия письменного ответа, в течение одного месяца после подачи жалобы, и в течение трех месяцев после того, как обратившемуся за предоставлением убежища станет известно об отказе в предоставлении ему статуса беженца (подпункты (1) и (2) пункта 3 статьи 10). Лицо, которое было уведомлено об отказе в предоставлении ему убежища и которое использовало свое право на обжалование отказа, больше не имеет законных оснований для пребывания на территории Российской Федерации и должно покинуть ее в течение трех рабочих дней после получения уведомления о решении, в соответствии с которым жалоба такого лица была отклонена (пункт 5 статьи 10). Лицо, не выполнившее данное требование и отказывающееся покинуть российскую территорию по своей воле, депортируется (высылается) с территории вместе с членами его семьи в соответствии с положениями Закона, соответствующего законодательства и международных соглашений, стороной которых является Российская Федерация (пункт 2 статьи 13).

III. ДОКЛАДЫ АГЕНТСТВ ООН И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ О СИТУАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

106. Касательно ситуации в отношении пыток в Узбекистане, в отчете Специального докладчика ООН по вопросу о пытках на 3-ей сессии Совета ООН по правам человека 18 сентября 2008 года говорится следующее:

«741. Специальный докладчик... подчеркнул, что он продолжает получать серьезные обвинения в применении пыток должностными лицами правоохранительных органов Узбекистана...

...

744. В свете вышеизложенного, можно сказать, что существует мало доказательств (в том числе и представленных властями страны), которые могли бы развеять сомнения или убедить Специального докладчика в существенном улучшении ситуации с применением пыток с момента посещения им страны в 2002 году ...»

107. В своем докладе 2010 года (CCPR/C/UZB/CO/3) Комиссия ООН по правам человека в соответствующей части указала следующее:

«11. Комиссия обеспокоена сообщениями о продолжающемся применении пыток и жестоком обращении, ограниченном количестве случаев осуждения лиц, несущих за это ответственность, слишком мягких санкциях, применяемых к ним (в том числе, простых дисциплинарных мер), а также свидетельствами очевидного помилования ответственных лиц и, в целом, недостаточной тщательности расследований жалоб на пытки и/или жестокое обращение. Комиссия также обеспокоена сообщениями о применении судами практики получения показаний под принуждением, несмотря на вынесенное в 2004 году решение Верховного Суда о недопустимости получения показаний незаконным путем...

...

19. Комиссия обеспокоена ограничениями и запретами, налагаемыми на свободу религии и убеждений, распространяющимися, в том числе, на представителей незарегистрированных религиозных организаций. Также Комиссия обеспокоена постоянными сообщениями об осуждении и тюремном заключении таких лиц. Комиссия также озадачена криминализацией, согласно статье 261-2 Уголовного кодекса, «обращения верующих из одной религии в другую (прозелитизма) и других видов миссионерской деятельности» (CCPR/C/UZB/3, пункт 707). Ст. 18) ...»

108. Заявитель сослался на Всемирный доклад правозащитной организации «Хьюман Райтс Вотч» (Human Rights Watch) за январь 2013 г., в соответствующей части которого указано следующее:

«Ситуация с правами человека в Узбекистане остается ужасной, в 2012 году не произошло каких-либо значительных улучшений. пытки систематически применяются в системе уголовной юстиции. власти продолжают репрессии против гражданского общества, представителей политической оппозиции и журналистов, а также продолжают преследовать верующих, чья религиозная практика выходит за установленные государством рамки.

пытки по-прежнему широко распространены и в большинстве случаев продолжают оставаться безнаказанными. права задержанных нарушаются на всех этапах расследования и судебного разбирательства, несмотря на введение в 2008 г. изменений в отношении *habeas corpus*. власти не применяют рекомендации по борьбе с пытками, представленные Специальным докладчиком ООН в 2003 г. и другими международными органами.

Подозреваемым не предоставляется доступ к адвокатам, что является важнейшей мерой защиты от пыток в местах предварительного заключения. Полиция получает от заключенных признания с помощью пыток, включающих избиение дубинками и пластиковыми бутылками, подвешивание за запястья и лодыжки, изнасилование и сексуальное унижение. власти, как правило, отказываются расследовать жалобы на злоупотребление полномочиями...»

109. Заявитель также сослался на Ежегодный доклад «Международной амнистии» (Amnesty International) за 2012 г., выпущенный 23 мая 2013 г., в соответствующей части которого указано следующее:

«Остается обеспокоенность частым применением пыток и другого жестокого обращения для получения признаний, в частности, от подозреваемых, связанных с запрещенными религиозными группами...

пытки и другие виды жестокого обращения с заключенными со стороны сил безопасности и тюремного персонала остаются обычной практикой. В течение указанного года было получено множество сообщений о пытках и других видах жестокого обращения, в особенности, от мужчин и женщин, подозреваемых или обвиненных в принадлежности к исламским движениям и исламистским группам и партиям или другим религиозным группам, запрещенным в Узбекистане. Как и ранее, власти не проводили немедленного, тщательного и полного расследования по результатам таких докладов и жалоб, поданных в Генеральную прокуратуру.

Власти продолжали добиваться выдачи подозреваемых в участии с исламистских движений и исламистских группам и партиям, запрещенных в Узбекистане, под предлогом общественной безопасности и борьбы с

терроризмом. Они также запросили экстрадицию политических оппонентов, критикующих правительство, и состоятельных лиц, впавших в немилость при данном режиме. Многие из указанных запросов о выдаче были основаны на сфабрикованных или недостоверных доказательствах. Власти давали высылающим государствам дипломатические заверения с целью обеспечения возвращения, обещая свободный доступ независимых наблюдателей и дипломатов в пенитенциарные учреждения. На практике же они не соблюдали указанные гарантии. Такие лица, принудительно возвращенные в Узбекистан, содержались под стражей без связей с внешним миром, подвергались пыткам и другому жестокому обращению, и, после несправедливых судебных разбирательств, отбывали продолжительные приговоры к тюремному заключению в жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство условиях. Власти также обвинялись в покушениях на убийства политических оппонентов, проживающих за границей».

110. Заявитель дополнительно сослался на доклад «Международной амнистии», опубликованный 3 июля 2013 г., под названием *«Евразия: Возврат к пыткам: Экстрадиция, принудительные возвращения и высылки в Центральную Азию»*. В части, применимой к настоящему делу, указанный доклад гласит:

«За последние два десятилетия тысячи людей по всему региону утверждали, что были задержаны без всяких на то оснований и подвергались пыткам или жестокому обращению при содержании под стражей с целью получения признания или денег от родственников. В данный период в большинстве стран Центральной Азии были проведены частичные реформы с целью усиления подотчетности правоохранительных органов и улучшения имеющейся защиты в системе уголовного судопроизводства. Тем не менее, ни в одной из стран они не имели существенного успеха касательно устранения практик применения пыток и другого жестокого обращения, часто используемых в отношении людей, подозреваемых в обычных преступлениях, и применяемых в обычном порядке в отношении политических оппонентов и лиц, подозреваемых в участии в экстремистской и террористической деятельности или в запрещенных религиозных группах.

Во всех пяти республиках заключенные часто подвергаются пыткам и жестокому обращению, находясь под стражей без связи с внешним миром. Лица, содержащиеся в закрытых пенитенциарных учреждениях Служб государственной безопасности в связи с обвинениями, связанными с государственной безопасностью или «религиозным экстремизмом», подвержены особенному риску применения пыток и другого жестокого обращения».

111. Указанный отчет отдельно рассматривает положение заявителя следующим образом:

«В 2012 г. Акрам Каримов, гражданин Узбекистана, был заключен под стражу в ожидании выдачи в СИЗО (следственный изолятор) в г. Москве. Власти Узбекистана добивались его экстрадиции в связи с обвинениями, связанными с членством в запрещенной религиозной организации, на основании факта предположительного создания его знакомым запрещенной религиозной организации в Узбекистане.

Законный срок содержания Акрама Каримова под стражей истек 17 сентября 2012 г. Он должен был быть освобожден в вышеупомянутую дату. Тем не менее, документы о его освобождении не были вручены ему или его адвокату, а были переданы сотрудникам полиции Красносельского отделения, которые доставили его прямо из СИЗО в Красносельское отделение полиции г. Москвы, где он содержался под стражей на основании его «нелегального» нахождения в России. Тем не менее, так как он обратился за предоставлением статуса беженца во время нахождения под стражей, он должен был получить защиту от насильственного возвращения в его страну до полного рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища в соответствии с процедурой о предоставлении статуса беженца.

Несмотря на это, Федеральная миграционная служба ходатайствовала о выдаче на основании незаконного пребывания Акрама Каримова в стране. 18 сентября ходатайство властей об административном выдворении было заслушано Мещанским областным судом, при этом представитель Московской городской прокуратуры сообщил суду о том, что Генеральная прокуратура рассматривает дело о выдаче. Судья постановил, что никакого решения об административном выдворении Акрама Каримова не может быть вынесено, так еще не было принято решение по делу о его выдаче.

На следующий день представитель Московской городской прокуратуры представил суду телеграмму, отправленную Генеральной прокуратурой в Московскую городскую прокуратуру, с указанием того, что 17 сентября было принято решение об отклонении запроса о выдаче заявителя.

Наблюдатели из НПО считают, что указанная телеграмма была отправлена задним числом, чтобы позволить суду принять решение по делу об административном выдворении.

В самом деле, когда 19 сентября слушание в административном суде было возобновлено, Мещанский областной суд постановил, что Акрам Каримов подлежит выдворению. Суд отказался учитывать материалы, представленные адвокатом стороны защиты в отношении фактического риска пыток,

которому подвергнется заявитель в случае возвращения в Узбекистан, и того факта, что Акрам Каримов обратился за предоставлением статуса беженца и ожидал окончательного решения по его ходатайству. Суд также отказал в заслушивании представителя Верховного комиссара ООН, который был приглашен адвокатом стороны защиты в качестве специалиста. Акрам Каримов обжаловал решение о его выдворении, но 10 октября 2012 г. Московский городской суд отклонил его апелляцию и оставил решение о высылке из России без изменений.

Акрам Каримов подал жалобу в Европейский Суд по правам человека. 4 октября Суд распорядился о применении временных мер, указав России не осуществлять высылку заявителя до вынесения решения по его делу.

Акрам Каримов обратился за предоставлением статуса беженца в 2012 г., но его ходатайство было отклонено Федеральной миграционной службой. 17 января 2013 г. он попытался подать апелляцию на данное решение, в соответствии с требованиями, должностному лицу в следственном изоляторе, но, по утверждениям, тот сотрудник отказался принять ее. После вмешательства адвоката указанный сотрудник согласился отправить апелляцию в суд до истечения срока подачи апелляций 19 января. Тем не менее, двумя днями позже, 21 января, адвокат Акрама Каримова узнал, что указанная апелляция не была отправлена в суд. Сотрудник следственного изолятора отрицал получение апелляции, несмотря на тот факт, что Акрам Каримов передал указанный документ в присутствии его адвоката. После жалобы адвоката начальнику следственного изолятора, упомянутому сотруднику было указано напрямую передать апелляцию в суд. Суд отклонил апелляцию, и на момент составления настоящего документа адвокат Акрама Каримова подает апелляцию в суд последней инстанции. Заявитель содержится в следственном изоляторе «Северный» для иностранцев, ожидающих депортации, в Московской области. «Международная амнистия» озабочена тем, что Акрам Каримов подвергнется реальному риску пыток или другого жестокого обращения в случае его возвращения в Узбекистан.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

112. Заявитель жаловался, что в случае его возвращения в Узбекистан ему будет грозить реальный риск быть подвергнутым пыткам и жестокому обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

1. Доводы Властей

113. Власти указали, что в ходе судебных разбирательств по вопросу о выдаче власти Узбекистана предоставили гарантии того, что в случае возвращения в Узбекистан заявитель не будет подвергнут преследованию, в частности, на религиозных или политических основаниях. Дополнительно, суды внимательно рассмотрели его заявления в отношении риска жестокого обращения в случае его возвращения в Узбекистан. По мнению властей, решение об административном выдворении заявителя являлось надлежащим образом обоснованным и соразмерным, так как он не узаконил свое пребывание в России, несмотря на то, что был осведомлен о применимой процедуре. Власти также указали, что указанное решение не включало указание того, что заявитель подлежал высылке в Узбекистан, а лишь выдворению с территории Российской Федерации. Власти скептически отнеслись к докладам НПО о ситуации в Узбекистане, на которые ссылался заявитель, так как, по мнению властей, указанные доклады включали общие утверждения, не подтвержденные фактическими данными. В частности, при описании положения заявителя в соответствующем докладе, «Международная амнистия» не представила ни одного доказательства (см. пункт 111 выше). Власти утверждали, что указанные доклады не доказывали существования риска жестокого обращения в Узбекистане, ни в случае заявителя, ни в общем.

2. Заявитель

114. Во-первых, заявитель оспорил аргумент властей о том, что решение об административном выдворении не означает обязательно его высылку в Узбекистан. Он указал, что в ходе административных разбирательств не обсуждалось другой возможности, и, дополнительно, не имелось причины считать, что какая-либо другая страна захочет принять его. Что касается риска жестокого обращения в случае высылки в Узбекистан, заявитель указал, что ФМС не оценила надлежащим образом его аргументы и в ходе разбирательств по вопросу о выдаче опиралась на гарантии, предоставленные Узбекистаном, которых явно недостаточно. В связи с этим он ссылался, в частности, на дело «*Абдулхаков против России*» (*Abdulkhakov v. Russia*), жалоба № 14743/11, пункты 149-50, 2 октября 2012 г. Заявитель также указал, что сама отсылка к таким гарантиям в административных разбирательствах говорила о том, что его высылка являлась скрытой выдачей. Он также указал, что доклады НПО о положении в Узбекистане являлись достоверным доказательством высокого риска обращения, противоречащего статье 3, особенно принимая во внимание то, что он подозревался в членстве в экстремистской религиозной группе.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

115. Прежде всего, Суд отмечает, что запрос Узбекистана о выдаче был отклонен, и Суд будет рассматривать жалобу заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции относительно судебных разбирательств по вопросу о выдаче.

116. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

117. С самого начала Суд повторяет, что Договаривающиеся Государства имеют право, как с точки зрения международного права, так и в соответствии с их договорными обязательствами, в том числе, в соответствии с Конвенцией, контролировать въезд, проживание и выдворение иностранцев (см. *«Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства»* (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*), от 28 мая 1985 г., пункт 67, Series A № 94.), а право на политическое убежище явно не защищено ни Конвенцией, ни Протоколами к ней (см. *«Салах Ших против Нидерландов»* (*Salah Sheekh v. the Netherlands*, жалоба № 1948/04, пункт 135, ЕСПЧ 2007-I (выдержки)). Тем не менее, выдворение Договаривающимся Государством может привести к возникновению вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции и, следовательно, повлечь за собой ответственность этого государства в соответствии с Конвенцией, если были продемонстрированы серьезные основания полагать, что заинтересованное лицо в случае выдворения столкнется с реальной угрозой подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

118. В таком случае статья 3 Конвенции подразумевает обязательство не высылать данное лицо в эту страну (см. *«Саади против Италии»* (*Saadi v. Italy*) [БП], жалоба № 37201/06, пункт 125, 28 февраля 2008 г.). Тем не менее, речь не идет о вынесении решения или об установлении ответственности принимающей страны в соответствии с общим международным правом, с Конвенцией или по иным основаниям (см. *«Серинг против Соединенного Королевства»* (*Soering v. the United Kingdom*) 7 июля 1989 г., пункт 91, Серия А, № 161).

119. Оценка того, имеются ли веские основания полагать, что заявитель может быть подвергнут обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, неизбежно требует, чтобы Европейский Суд оценил условия в принимающей стране с точки зрения норм данного положения Конвенции (см. «*Маматкулов и Аскарлов против Турции*» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*), [БП], жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, пункт 67, ЕСПЧ 2005-I). Указанные стандарты предполагают, что жестокое обращение, с которым, по утверждениям заявителя, он столкнется в случае возвращения, должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы относиться к сфере действия статьи 3. Оценка этого уровня относительна, и зависит от всех обстоятельств дела (см. «*Хилал против Соединенного Королевства*» (*Hilal v. the United Kingdom*), жалоба № 45276/99, пункт 60, ЕСПЧ 2001-II).

120. При определении того, было ли доказано, что заявителю в случае выдворения угрожает реальная опасность пострадать от обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, Суд рассмотрит этот вопрос в свете всех представленных ему материалов или, при необходимости, материалов, полученных *proprio motu* (см. дело *Саади*, упомянутое выше, пункт 128). Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств в соответствии со статьей 3 Конвенции по делам такого рода заключается в действии, подвергающем лицо угрозе жестокого обращения, факт существования угрозы должен оцениваться прежде всего с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент выдворения (см. «*Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства*» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*), 30 октября 1991, пункт 107, Серия А № 215).

121. В принципе, именно заявитель должен представить убедительные доказательства того, что существуют серьезные основания полагать, что в случае применения оспариваемой меры он подвергнется реальной опасности пострадать от обращения, противоречащего статье 3 (см. постановление от 26 июля 2005 года по делу «*Н. против Финляндии*» (*N. v. Finland*), жалоба №38885/02, пункт 167). Если такие доказательства приведены, то от Властей ожидается, что они развеют любые сомнения по этому поводу (см. «*Рябикин против России*» (*Ryabikin v. Russia*) от 19 июня 2008 г., жалоба №8320/04, пункт 112).

122. Что касается общей ситуации в конкретной стране, Суд постановил по нескольким делам, что он может придать определенное значение информации, содержащейся в последних докладах независимых международных организаций по защите прав человека и неправительственных организаций (см. *Саади*, упомянутое выше, пункт 131, с дальнейшими ссылками). В то же время, одна лишь возможность жестокого

обращения по причине неустойчивой ситуации в принимающей стране сама по себе не приводит к нарушению статьи 3 Конвенции (там же).

123. Когда источники, доступные Суду, описывают общую ситуацию, утверждения заявителя по конкретному делу требуют подтверждения другими доказательствами (см. постановление по делу *Маматкулова и Аскарова (Mamatkulov and Askarov)*, упомянутое выше, пункт 73).

(b) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

(i) Разбирательства на внутригосударственном уровне

124. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд сначала должен рассмотреть, были ли утверждения заявителя о риске жестокого обращения в случае высылки в Узбекистан надлежащим образом оценены внутригосударственными органами.

125. Суд отмечает, что Генеральная прокуратура отказала в выдаче заявителя в Узбекистан на том основании, что некоторые обвинения, выдвинутые против него, не считались уголовными преступлениями в соответствии с российским уголовным законодательством, и за отсутствием в действиях заявителя состава иных преступлений, в которых он обвинялся. Тем не менее, после отказа в выдаче заявителя были немедленно инициированы административные разбирательства по вопросу о том, что заявитель не узаконил свое пребывание в России, что привело к решению о его административном выдворении. Суд отмечает, что заявитель поднял вопрос о риске жестокого обращения с ним в случае возвращения в Узбекистан как в разбирательствах по вопросу о высылке, так и в разбирательствах по вопросу о предоставлении убежища. Что касается его показаний, Суд удовлетворен тем, что его показания были последовательными и что он привел ряд специальных и обстоятельных доводов в поддержку своего заявления. В числе прочего, он утверждал, что правоохранительные органы Узбекистана систематически применяли пытки и жестокое обращение к заключенным, и подчеркнул, что лица, обвиненные в участии в запрещенной религиозной деятельности, а также подозреваемые в преступлениях против государственной безопасности, подвергаются повышенному риску обращения, нарушающего статью 3. В поддержку своих утверждений заявитель сослался на доклады различных авторитетных международных организаций и выводы Суда по определенным делам в отношении аналогичных ситуаций, когда заявители столкнулись с возвращением или были выданы в Узбекистан в связи с судебными разбирательствами по соответствующим уголовным делам о религиозном экстремизме или попытке свержения конституционного порядка (см. пункты 106-111 выше).

126. Что касается разбирательств по вопросу о предоставлении убежища, Суд отмечает, что миграционные органы в своих решениях об отказе в предоставлении заявителю убежища главным образом ссылались на тот факт, что заявитель покинул Узбекистан по экономическим причинам, и заключили, что его желание не возвращаться в Узбекистан было основано не на страхе преследования на основании религии, национальности, этнического происхождения, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, а на страхе наказания за преступления, в совершении которых он обвинялся в Узбекистане (см. выше пункт 54). Хотя Московская ФМС в своем решении от 28 августа 2012 г. проанализировала применимое законодательство Узбекистана о запрете пыток и свободе вероисповедания, она не рассмотрела информацию, предоставленную различными международными организациями и постановления Суда, указанные заявителем в подтверждение своих подробных показаний в отношении риска жестокого обращения в случае его возвращения в Узбекистан. Басманный районный суд г. Москвы, который 1 апреля 2013 г. оставил без изменений решение ФМС об отказе в предоставлении заявителю статуса беженца, указал, что ситуация с правами человека в Узбекистане являлась «неоднозначной». Несмотря на замечание о том, что решение в отношении статуса беженца должно приниматься не на основании общей ситуации в соответствующей стране, а с учетом конкретных обстоятельств заявителя, не были рассмотрены особые аргументы, указанные заявителем в настоящем деле, такие как характер обвинений, выдвинутых против него в Узбекистане (см. пункт 58 выше). Суд отмечает, что не располагает информацией о результате окончательного этапа апелляционных разбирательств по вопросу о предоставлении статуса беженца.

127. Что касается судебных разбирательств об административном выдворении, Суд отмечает, что анализ внутригосударственными судами риска жестокого обращения, которому заявитель мог подвергнуться в случае возвращения в Узбекистан, являлся в высшей степени спорным. В своих решениях от 19 сентября и 10 октября 2012 г. Мещанский районный суд г. Москвы и Московский городской суд, соответственно, отклонили утверждения заявителя кратко и без подробного анализа его конкретных доводов (см. пункты 39, 40 и 48 выше). Московский городской суд, в частности, ссылаясь на тот факт, что заявитель обратился за предоставлением убежища только после задержания. В связи с этим Суд отметил, что, в любом случае, основной упор в жалобе заявителя делался на то, что он преследуется узбекскими властями в связи с обвинениями в серьезных уголовных преступлениях, наказуемых длительными сроками тюремного заключения, о которых ему стало известно только при задержании, и на последующее жестокое обращение при содержании под стражей. В этом отношении Суд повторяет, что, хотя факт отсутствия заявления лица о предоставлении ему убежища сразу же после прибытия в другую страну может иметь значение

для оценки достоверности его утверждений, не представляется возможным сравнить наличие угрозы жестокого обращения и оснований, служащих основой для его выдворения (см. дело *«Абдолхани и Каримния против Турции»* (*Abdolkhani and Karimnia v. Turkey*), жалоба № 30471/08, пункт 91, 22 сентября 2009 г.). Следовательно, выводы внутригосударственных судов в отношении несвоевременного обращения заявителя за предоставлением статуса беженца не опровергают, по существу, его утверждения в соответствии со статьей 3 Конвенции.

128. Учитывая вышесказанное, Суд не убежден в том, что жалобы заявителя были тщательно рассмотрены внутригосударственными органами, и следовательно, Суд должен оценить, существует ли фактический риск того, что заявитель подвергся бы в Узбекистане обращению, запрещенному в соответствии со статьей 3, в случае его высылки.

(ii) Оценка риска Европейским Судом

129. Прежде всего, Суд отмечает, что власти в своих замечаниях указали, что решение об административном выдворении заявителя не указывало, что заявитель подлежит высылке в Узбекистан, а лишь выдворению с территории Российской Федерации. Тем не менее, Суд должен принять аргумент заявителя о том, что никакой другой возможности не обсуждалось в ходе административных разбирательств, и дополнительно, власти не представили информации о стране, желающей принять заявителя. Соответственно, Суд не может не заключить, что решение об административном выдворении заявителя предполагало его высылку в Узбекистан.

130. Суд уже рассматривал ряд дел, связанных с риском быть подвергнутым жестокому обращению в случае выдачи или выдворения лиц из России и других государств-участников Совета Европы в Узбекистан. Ссылаясь на материалы, полученные из различных источников, Суд установил, что общая ситуация в области прав человека в Узбекистане вызывает тревогу и что данные международных организаций свидетельствуют о серьезной и неослабевающей проблеме жестокого обращения с заключенными, о «систематичной» и «ничем не ограниченной» практике применения пыток к тем, кто содержится под стражей, а также об отсутствии реальных доказательств, демонстрирующих какие-либо существенные улучшения в этой области (см., в числе прочего, *«Исмоилов и другие против России»* (*Ismoilov and Others v. Russia*), жалоба №2947/06, пункт 121, 24 апреля 2008 г.; *«Муминов против России»* (*Muminov v. Russia*), жалоба № 42502/06, пункты 93-96, 11 декабря 2008 г.; *«Гараев против Азербайджана»* (*Garayev v. Azerbaijan*), жалоба № 53688/08, пункт 71, 10 июня 2010 г.; *«Якубов против России»* (*Yakubov v. Russia*), жалоба № 7265/10, пункты 81 и 82, 8 ноября 2011 г.; *«Рустамов против России»* (*Rustamov v. Russia*), жалоба №11209/10,

пункт 125, 3 июля 2012 г.; и «*Абдулхаков против России*» (*Abdulkhakov v. Russia*), жалоба № 14743/11, пункт 141, 2 октября 2012 г., а также, из последних, «*Зохидов против России*» (*Zokhidov v. Russia*), жалоба № 67286/10, пункт 135, 5 февраля 2013 г., и «*Ермаков против России*» (*Ermaikov v. Russia*), жалоба № 43165/10, пункт 201, 7 ноября 2013 г.).

131. Что касается личного положения заявителя, Суд отмечает, что заявитель разыскивается властями Узбекистана в связи с обвинениями в разжигании национальной этнической или религиозной вражды, а также производстве и распространении документов, содержащих угрозы национальной безопасности и общественному порядку. В частности, указанные обвинения связаны с предполагаемой помощью заявителя мусульманской экстремистской группировке. Вышеприведенные замечания составляли основания для запроса о выдаче и ордера на арест, выданных в отношении заявителя. Таким образом, его ситуация является аналогичной ситуации тех мусульман, которые распространяли свои религиозные убеждения за пределами официальных институтов и официальных рекомендаций, вследствие чего были обвинены в религиозном экстремизме и принадлежности к запрещенным религиозным организациям, и по этой причине, о чем говорится в вышеуказанных докладах и постановлениях Суда, подвергались повышенной опасности жестокого обращения (см. вышеупомянутое дело *Ермакова*, пункт 203).

132. Суд обязан отметить, что существование национального законодательства и ратификация международных соглашений, гарантирующих уважение основополагающих прав, сами по себе, не являются достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения, когда, как в настоящем деле, надежные источники сообщили о практиках, используемых органами власти и явно противоречащих принципам Конвенции (см. дело «*Хирси Джамаа и другие против Италии*» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*)[БП], жалоба № 27765/09, пункт 128, ЕСПЧ 2012). Дополнительно, внутригосударственные органы, а также власти в Суде использовали обзорное и общее обоснование в попытке развеять представление о предполагаемом риске жестокого обращения на основании вышеизложенных соображений, включая очевидную, существовавшую ранее, заинтересованность узбекских властей в выдаче заявителя.

133. Что касается предоставленных властями Узбекистана гарантий, на которые ссылаются власти, кроме того, что они приведены в общих терминах и не подтверждены доказательствами существования механизма исполнения или мониторинга (см., в числе прочего, дело *Абдулхакова*, упомянутое выше, пункт 150; см. также для сравнения, «*Отман (Абу Катата) против Соединенного Королевства*» (*Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom*),

жалоба № 8139/09, пункты 188-89, ЕСПЧ 2012 (выдержки)), Суд усматривает, что они были предоставлены для целей судебных разбирательств по вопросу о выдаче, которые были полностью прекращены, и такие гарантии не имели прямого отношения к разбирательствам по вопросу о высылке.

134. С учетом вышесказанного, Суд считает, что были продемонстрированы серьезные основания полагать, что в случае выдворения в Узбекистан заявителю будет угрожать реальная опасность обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции.

135. Следовательно, Суд заключает, что введение в действие распоряжения об административном выдворении заявителя привело бы к нарушению статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 3 КОНВЕНЦИИ

136. Заявитель утверждал, в соответствии со статьей 13 Конвенции, что ему не были доступны эффективные средства правовой защиты в отношении его заявлений о возможном жестоком обращении в случае его возвращения в Узбекистан. статья 13 Конвенции гласит следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

137. Суд считает, что суть жалобы заявителя в соответствии со статьей 13, которую он находит приемлемой, состоит в том, что внутригосударственные органы не рассмотрели тщательным образом риск жестокого обращения, с которым столкнулся бы заявитель в случае его принудительного выдворения в Узбекистан. В данном отношении Суд отмечает, что уже рассмотрел данное заявление в контексте статьи 3 Конвенции. Принимая во внимание выводы, к которым Суд пришел в пункте 127 выше, Суд считает, что в отдельном рассмотрении данной жалобы по существу нет никакой необходимости (см., сточки зрения аналогичного подхода, дело *Гафорова (Gaforov)*, упомянутое выше, пункт 144, и «*Азимов против России*» (*Azimov v. Russia*), жалоба № 67474/11, пункт 145, 18 апреля 2013 г.).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ С ЦЕЛЬЮ ВЫДАЧИ

138. Заявитель, ссылаясь на подпункт (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции, утверждает, что содержание его под стражей в ходе судебных разбирательств по вопросу о выдаче являлось незаконным. Подпункт (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче».

А. Доводы сторон

1. Доводы Властей

139. Власти утверждали, что заявитель был задержан на основании решения Бухарского уголовного суда от 15 июня 2011 г. о его помещении под стражу, и решения прокурора Мещанского района г. Москвы от 19 марта 2012 г. Запрос о выдаче был получен в течение тридцати восьми дней, что соответствует сорокадневному сроку, предусмотренному в пункте 1 Статьи 62 Минской конвенции. Власти указали, что Россия ратифицировала Протокол от 28 марта 1997 г. к Минской конвенции без каких-либо оговорок. 25 апреля 2012 г., после получения запроса о выдаче, прокурор Мещанского района г. Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей на общий срок два месяца. Решением от 15 мая 2012 г. указанный суд продлил срок содержания заявителя под стражей на общий срок шесть месяцев, до 17 сентября 2012 г., когда заявитель был освобожден. Решения о заключении заявителя под стражу были приняты в полном соответствии с применимым законодательством. Апелляции адвоката заявителя в отношении распоряжений о заключении под стражу были рассмотрены и отклонены соответствующими судами.

2. Заявитель

140. Заявитель возразил, что его содержание под стражей на основании распоряжения о заключении под стражу от 19 марта 2012 г. являлось незаконным, так как указанное решение было вынесено прокурором и не предусматривало срока содержания под стражей. Он также утверждал, что его содержание под стражей с 17 по 25 апреля 2012 г. являлось незаконным, так как Узбекистан не ратифицировал Протокол от 28 марта 1997 г. к Минской конвенции, которым были внесены изменения в статью 62 Минской конвенции, и срок, в течение которого лицо могло содержаться в ожидании

получения запроса о выдаче, был продлен до сорока дней. Следовательно, было разрешено содержать заявителя под стражей без распоряжения суда не более тридцати дней, и следовательно, содержание заявителя под стражей с 17 по 25 апреля 2012 г. не имело законного основания. Заявитель также возразил, что его содержание под стражей на основании распоряжения о заключении под стражу от 25 апреля 2012 г. являлось незаконным, так как указанное распоряжение было основано лишь на части 2 статьи 466 УПК РФ, которая не предусматривала ни четкой процедуры продления срока содержания под стражей, ни предельных сроков. В распоряжении от 25 апреля 2012 г. также не был предусмотрен крайний срок содержания заявителя под стражей. Также сомнительно, обладал ли прокурор Мещанского района г. Москвы компетенцией для распоряжения о заключении заявителя под стражу, так как соответствующее решение не включало указания законного инструмента, который наделял прокурора такой компетенцией. Наконец, заявитель указал, что весь срок его содержания под стражей в ожидании выдачи нарушил требование «надлежащей осмотрительности», определенное Судом в связи с содержанием под стражей в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5. В частности, запрос Узбекистана о выдаче был отклонен 17 сентября 2012 г., когда заявитель уже провел в заключении шесть месяцев. Тем не менее, учитывая основания отказа - отсутствие *corpus delicti* в отношении одного пункта обвинений и то, что другой пункт обвинений не являлся уголовным преступлением в соответствии с российским законодательством - властям с самого начала должно было быть ясно, что запрос о выдаче должен быть отклонен. Но они содержали заявителя под стражей в течение максимального шестимесячного срока, разрешенного в соответствии с внутригосударственным законодательством.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

141. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

142. Суд отмечает, что подпункт (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции не требует, чтобы содержание под стражей лица, в отношении которого предпринимаются действия с целью его выдачи, считалось объективно

необходимым, к примеру, для предотвращения совершения этим лицом преступления или побега. В этой связи, подпункт (f) пункта 1 статьи 5 предусматривает другой уровень защиты в отличие от подпункта(c) пункта 1 статьи 5: все, что требуется в соответствии с подпунктом (f) - принятие «мер по его высылке или выдаче». Поэтому в целях подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции неважно, является ли соответствующее решение о высылке оправданным согласно внутригосударственному законодательству или Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «*Чонка против Бельгии*» (*{Conka} v. Belgium*), жалоба № 51564/99, ЕСПЧ2002-I, пункт 38, и Постановление Европейского Суда по делу «*Чахал против Соединенного Королевства*» (*Chahal v. United Kingdom*) от 15 ноября 1996 г., Отчеты о постановлениях и решениях 1996-V, пункт 112).

143. Суд, однако, напоминает, что ему предстоит рассмотреть правомерность содержания заявителя под стражей в целях подпункта «f» пункта 1 статьи 5, уделяя особое внимание мерам безопасности, предусмотренным национальной системой. В случае возникновения спора о «правомерности» содержания под стражей, включая вопрос о следовании «процедуре, предусмотренной законом», Конвенция, главным образом, ссылается на национальное законодательство и определяет обязательство подчинения материально-правовым и процессуальным нормам федерального законодательства, но, помимо этого, требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало предмету статьи 5, предоставляющей физическим лицам защиту от произвола (см. «*Амуур против Франции*» (*Amuur v. France*), 25 июня 1996, пункт 50, *Отчеты* 1996-III, и «*Насруллоев против России*» (*Nasrulloev v. Russia*), жалоба № 656/06, пункт 70, 11 октября 2007 г.).

144. Поэтому Европейский Суд должен убедиться, соответствует ли само внутригосударственное право Конвенции, включая содержащиеся или подразумеваемые в ней общие принципы. Относительно последнего момента Европейский Суд подчеркивает, что если речь идет об ограничении свободы, особенно важно, чтобы соблюдался общий принцип правовой определенности. Устанавливая, что любое лишение свободы должно быть осуществлено «в соответствии с процедурой, установленной законом», пункт 1 статьи 5 не просто ссылается на национальное законодательство; такие выражения, как «в соответствии с законодательством» и «предусмотренный законодательством» во вторых пунктах статей 8, 9 и 10, относятся к «качеству законодательства», где прослеживается необходимость его соответствия нормам права. Данное положение является обязательным принципом всех статей Конвенции. Под «качеством законодательства» в этом смысле понимается то, что при вынесении приговора о лишении свободы согласно национальному законодательству последнее должно быть достаточно доступным, точным и предсказуемым в отношении его применения во избежание всех рисков произвола (см. дело «*Насруллоев*

против России» (Nasrulloev v. Russia), от 11 октября 2007 г., упомянутое выше, пункт 71, с дальнейшими ссылками).

(b) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

145. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что с 17 марта по 17 сентября 2012 г. заявитель содержался под стражей с целью выдачи из России в Узбекистан. После его первоначального задержания 17 марта 2012 г., помещение заявителя под стражу было санкционировано двумя решениями прокурора Мещанского района г. Москвы, от 19 марта и от 25 апреля 2012 г. 15 мая 2012 г. Мещанский районный суд продлил срок его содержания под стражей до 17 сентября 2012 г.

(i) Содержание под стражей в период с 17 по 19 марта 2012 г.

146. Суд отмечает, что заявитель не оспаривал тот факт, что его содержание под стражей с 17 по 19 марта 2012 г. соответствовало требованиям статьей 91, 92 и 94 Уголовно-процессуального кодекса.

147. Следовательно, в отношении данного периода времени не имеет место нарушение подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(ii) Содержание под стражей в период с 19 марта по 15 мая 2012 г.

148. Что касается периода с 19 марта по 15 мая 2012 г., власти возразили, что содержание заявителя под стражей было разрешено в соответствии с применимым внутригосударственным законодательством. Суд отмечает, что им недавно был рассмотрен аналогичный вопрос в деле *Зохидова*, упомянутом выше. В указанном деле Суд пришел к выводу о том, что до получения запроса о выдаче содержание заявителя под стражей, по-видимому, было основано на статье 61 Минской конвенции, которая не более чем ссылалась на внутригосударственное законодательство и сама не определяла процессуальные нормы в отношении содержания лица под стражей до получения запроса о выдаче. Следовательно, она может служить лишь законным основанием для содержания под стражей совместно с соответствующими положениями внутригосударственного законодательства, определяющего основания и процедуру вынесения распоряжения о заключении под стражу, а также применимые сроки (см. дело *Зохидова*, упомянутое выше, пункт 154). Тем не менее, как и в деле *Зохидова*, в рассматриваемом деле ни прокурор в своем решении, ни власти в своих замечаниях не ссылались на положения внутригосударственного законодательства, разрешающие прокурору помещать заявителя под стражу в ожидании получения запроса о выдаче. Соответственно, с 19 марта по 24 апреля 2012 г. заявитель находился в правовом вакууме, не предусмотренном

местной правовой нормой, четко устанавливающей основания для его задержания, а также процедуру и сроки, применимые к его задержанию до момента получения запроса о выдаче.

149. После получения запроса о выдаче от 24 апреля 2012 г., содержание заявителя под стражей регулировалось частью 2 Статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса, и 25 апреля 2012 г. прокурор Мещанского района г. Москвы вновь санкционировал содержание заявителя под стражей. Тем не менее, как усмотрел Суд в пункте 154 дела Зохидова, упомянутого выше, в пункте 2 статьи 466 не говорится о процедуре вынесения распоряжения или продления содержания под стражей лица, подлежащего выдаче. Также в ней не устанавливаются сроки нахождения под стражей в ожидании выдачи. Дополнительно, в своем решении от 19 марта 2009 г. относительно пункта 2 статьи 466, Конституционный суд, усмотрев, что оспариваемое положение не нарушало конституционных прав лица посредством неустановления оснований или процедуры вынесения распоряжения о заключении под стражу в ожидании выдачи или сроков такого содержания под стражей, не объяснил, какие законоположения фактически регулировали такую процедуру или какие сроки подлежали применению в ситуациях, относящихся к сфере действия пункта 2 статьи 466 (см. пункт 84 выше).

150. Соответственно, Суд заявляет об отсутствии четких национальных норм, устанавливающих, при каких условиях, в какой срок, а также прокурором какого иерархического уровня и территориальной принадлежности подлежит проверке вопрос о содержании под стражей после получения запроса о выдаче.

151. Суд учитывает Постановление № 11 Пленарной сессии Верховного суда РФ от 14 июня 2012 г., в котором было дано авторитетное толкование положений российского законодательства, применимых к содержанию под стражей в ожидании выдачи (см. пункт 87 выше). Тем не менее, Суд отмечает, что указанное постановление было принято после того, как истек рассматриваемый период содержания заявителя под стражей. Следовательно, указанное постановление не может повлиять на заключение о том, что в момент заключения под стражу заявителя правовые нормы Российской Федерации, регулирующие содержание под стражей до момента получения запроса о выдаче, а также возможное продление срока задержания после получения такого запроса, являлись неточными или непредсказуемыми в своем применении. Тем не менее, из упомянутого постановления следует, что задержание заявителя должно было быть произведено и продлено судом Российской Федерации, а не прокурором (см. дело Зохидова, упомянутое выше, пункт 161).

152. В свете вышесказанного Суд заключает, что с 19 марта по 15 мая 2012 г. заявитель содержался под стражей без определенного законного основания или четких правил, регулирующих данную ситуацию, и это факт несовместим с принципами правовой определенности и защиты от произвола, проходящими красной нитью через Конвенцию и правовые нормы (см. дело *Зохидова*, упомянутое выше, пункт 162). Лишение свободы, определенное для заявителя на тот период, было ограничено надлежащими мерами защиты от произвола. Российское законодательство в период оспариваемых событий не достигло стандарта «качества законодательства», необходимого для соответствия Конвенции. Государственная система, неспособная защитить заявителя от произвольного задержания, а также его задержание не могут считаться «законными» в соответствии с целями статьи подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.

153. Следовательно, в отношении данного периода времени с 19 марта по 15 мая 2012 г. имеет место нарушение подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(iii) Содержание под стражей в период с 15 мая по 17 сентября 2012 г.

154. Что касается последующего периода содержания заявителя под стражей, Суд отмечает, что 15 мая 2012 г. Мещанский районный суд продлил его до 17 сентября 2012 г. В своем решении указанный суд указал, *inter alia*, что выдача заявителя требовалась в связи с обвинениями в совершении правонарушений, подлежащих наказанию в соответствии с российским и узбекским законодательством, что заявитель являлся гражданином Узбекистана без постоянного места жительства в России, и в его отношении не была проведена проверка касательно выдачи.

155. Заявитель возразил, что причины, на которые сослался Мещанский районный суд при продлении срока его содержания под стражей с целью выдачи, не соответствовали требованиям подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции в толковании Суда.

156. Со ссылкой на пункт 142 выше, Суд считает, что любое лишение свободы в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5 является приемлемым, только пока рассматривается вопрос о высылке, и если такие разбирательства не осуществляются с должной тщательностью, содержание под стражей перестает быть допустимым в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5. Другими словами, срок содержания под стражей с этой целью не должен превышать обоснованно необходимый (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Saadi против Соединенного Королевства*» (*Saadi v. the United Kingdom*), жалоба №13229/03, пункт 74, ЕСПЧ 2008).

157. Суд повторяет, что общий период содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции длился шесть месяцев, тогда как оспариваемый период длился четыре месяца. По причинам, изложенным ниже, Суд не считает этот период чрезмерно продолжительным.

158. Суд отмечает, что узбекские власти объявили заявителя в розыск 14 июня 2011 г. 19 марта 2012 г. Министерство внутренних дел Узбекистана обратилось в Министерство внутренних дел России с целью выдачи заявителя. С марта 2012 г. по сентябрь 2012 г. заявитель был допрошен и Генеральная прокуратура РФ получила запрос о выдаче и дипломатические гарантии от узбекской стороны; Федеральная миграционная служба подтвердила, что заявитель никогда не имел российского гражданства и не был зарегистрирован в Московской области после его временного пребывания с 20 июня 2008 г. по 13 апреля 2009 г., и не обращался за предоставлением убежища. После обращения заявителя за предоставлением статуса беженца 20 апреля 2012 г., Федеральная миграционная службы рассмотрела его обращение и отклонила его 28 августа 2012 г.

159. Учитывая вышесказанное, Суд заключает, что в течение всего рассматриваемого периода велось разбирательство по вопросу о выдаче, которое соответствовало внутригосударственному законодательству (см. *«Шакуров против России» (Shakurov v. Russia)*, жалоба № 55822/10, пункт 170, 5 июня 2012 г., и *«Сидиковы против России» (Sidikovy v. Russia)*, жалоба № 73455/11, пункт 165, 20 июня 2013 г.).

160. Ввиду вышесказанного, Суд удовлетворен тем, что требование усердия было соблюдено в настоящем деле.

161. Следовательно, в отношении периода времени с 15 мая по 17 сентября 2012 г. не имеет место нарушение подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ С ЦЕЛЬЮ ВЫДАЧИ

162. Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Конвенции на то, что он не был надлежащим образом информирован о причинах его заключения под стражу 19 марта 2012 г. В частности, решение прокурора от 19 марта 2012 г. было предъявлено ему только 27 апреля 2012 г., и ему не было сообщено о его праве обжаловать указанное решение или о процедуре апелляции. Пункт 2 статьи 5 Конвенции гласит следующее:

"Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение".

Приемлемость жалобы

163. Суд повторяет, что пункт 2 статьи 5 содержит элементарное средство защиты, состоящее в том, что любое задержанное лицо должно знать, почему оно лишено свободы (см. дело *Чонка*, упомянутое выше, пункт 50, ЕСПЧ 2002-I). Данное положение представляет собой минимальное средство защиты от произвола и является неотъемлемой частью схемы защиты, предлагаемой статьей 5; в соответствии с пунктом 2 статьи 5, любому задержанному лицу должны быть сообщены простым, понятным ему языком, существенные юридические и фактические основания его ареста, чтобы он мог, если сочтет необходимым, обжаловать в суде законность задержания в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции. Хотя такая информация должна быть сообщена «немедленно», нет необходимости в том, чтобы сотрудник, проводящий задержание, делал это непосредственно в момент ареста. В каждом случае, с учетом его особых обстоятельств, оценивается, являлась ли сообщенная информация достаточно содержательной и была ли сообщена достаточно оперативно (см. «*Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства*» (*Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom*), 30 августа 1990 г., пункт 40, Серия А № 182).

164. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель был задержан 17 марта 2012 г. В протоколе ареста, составленном в тот же день и подписанном заявителем, было указано, что заявитель был задержан в качестве лица, разыскиваемого узбекскими властями по подозрению в совершении правонарушений в соответствии с подпунктом d) пункта 3 статьи 156 и подпунктом (a) пункта 3 статьи 244 Уголовного кодекса Узбекистана. Соответственно, на момент его задержания заявителю было надлежащим образом сообщено о причинах его задержания и обвинениях, выдвинутых против него.

165. По мнению Суда, тот факт, что копия решения от 19 марта 2012 г., которым прокурор Мещанского района г. Москвы разрешил дальнейшее содержание заявителя под стражей, была предъявлена заявителю с опозданием, не влияет на вышеприведенный вывод. Дополнительно, хотя копия решения от 19 марта 2012 г. была получена заявителем только 27 апреля 2012 г., он, по-видимому, был осведомлен до этой даты о решении прокурора и о своем праве на обжалование, так как представитель заявителя подал апелляцию в отношении указанного решения 12 апреля 2012 г.

166. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ С ЦЕЛЬЮ ВЫДАЧИ

167. Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции на то, что пересмотр его содержания под стражей в ожидании выдачи не являлся эффективным, так как ни один из аргументов, приведенных его адвокатом в апелляции в отношении распоряжения о заключении под стражу от 19 марта 2012 г., не был рассмотрен Преображенским районным судом г. Москвы в решении от 3 мая 2012 г. и следовательно, соответствующие судебные разбирательства, которые завершились вынесением Московским городским судом решения от 23 июля 2012 г., нарушали принцип равенства сторон и не являлись состязательными. Пункт 4 статьи 5 Конвенции гласит следующее:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

Приемлемость жалобы

168. Суд отмечает, что в своей апелляции в отношении распоряжения о заключении под стражу от 19 марта 2012 г. адвокат заявителя, в частности, возразил, что распоряжение о заключении под стражу являлось незаконным, так как было вынесено прокурором, а не судом, и что пункт 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса являлась неприменимой. Решением от 3 мая 2012 г. Преображенский районный суд г. Москвы отклонил апелляцию, усмотрев, что заявитель был задержан в соответствии со статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса, и что 19 марта 2012 г. он был заключен под стражу в ожидании получения запроса о выдаче на основании пункта 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса. Так как адвокат заявителя дополнительно обжаловал решение от 3 мая 2012 г., 23 июля 2012 г. Московский городской суд оставил данное решение без изменений, также усмотрев, что Преображенский районный суд г. Москвы надлежащим образом рассмотрел аргументы, указанные адвокатом заявителя в апелляции.

169. Суд не может не согласиться с выводом Московского городского суда о том, что Преображенский районный суд г. Москвы рассмотрел аргументы адвоката заявителя в отношении предполагаемой незаконности распоряжения о заключении под стражу от 19 марта 2012 г. в его решении от 3 мая 2012 г. Тот факт, что заявитель не согласен с выводами указанного суда, не опровергает тот факт, что указанный суд рассмотрел аргументы его адвоката.

170. Учитывая вышесказанное, Суд приходит к выводу, что аргументы адвоката заявителя были надлежащим образом рассмотрены судами. Другие аргументы или доказательства не были представлены в Суд с целью продемонстрировать, что судебные разбирательства, завершившиеся решением Московского городского суда от 23 июля 2012 г., нарушали принцип равенства сторон.

171. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С СОДЕРЖАНИЕМ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ В ОЖИДАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЫДВОРЕНИЯ

172. Заявитель, ссылаясь на подпункт (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции, утверждает, что его задержание 17 сентября 2012 г. и последующее содержание его под стражей в ходе судебных разбирательств по вопросу об административном выдворении являлось незаконным.

А. Доводы сторон

1. Доводы Властей

173. Власти указали, ссылаясь на дело «Алим против России» (*Alim v. Russia*), жалоба №39417/07, пункт 54, 27 сентября 2011 г., что административное выдворение представляло собой «высылку» в рамках значения подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Власти также указали, что в соответствии с пункт 5 статьи 3.10 Административного кодекса, судья может поместить лицо, подлежащее административному выдворению, под стражу в специальный изолятор временного содержания, где лицо содержится под стражей в соответствии с пунктом 5 раздела 34 Закона об иностранных гражданах до исполнения решения об административном выдворении. Власти также отметили, что в соответствии с решением Конституционного суда № 6-Р от 17 февраля 1998 г., лицо, в отношении которого надлежит провести разбирательства по вопросу о его административном выдворении, может содержаться под стражей без решения суда в течение не более чем сорока восьми часов. Так как 17 сентября 2012 г. заявитель был задержан на основании совершения административного правонарушения, подлежащего наказанию в виде административного выдворения, и 19 сентября 2012 г. Мещанский районный суд г. Москвы признал его виновным в указанном правонарушении и распорядился о его административном выдворении и заключении под стражу в специальном учреждении в ожидании исполнения решения, содержание заявителя под

стражей полностью соответствовало внутригосударственному законодательству. Более того, когда Суд применил Правило 39, указав Российской Федерации приостановить высылку заявителя в Узбекистан, компетентные органы приняли соответствующие запросу Суда меры.

2. Заявитель

174. Заявитель признал, что он не узаконил свое пребывание в России до его задержания в марте 2012 г. и, следовательно, нарушил миграционное законодательство. Он также согласился с тем, что власти знали об этом в момент его задержания 17 марта 2012 г. Тем не менее, он возразил, что так как власти не приняли мер в данном отношении, пока он находился под стражей в ожидании выдачи, они превысили свои полномочия посредством распоряжения о его заключении под стражу в рамках административных разбирательств единственно с целью обеспечения его возвращения в Узбекистан, несмотря на отклонение запроса о выдаче. Заявитель считал, что его содержание под стражей в ожидании административного выдворения в любом случае являлось незаконным, так как Кодекс об административных правонарушениях не предусматривает никаких сроков такого содержания под стражей. Даже хотя исполнение решения о его административном выдворении было приостановлено по причине применения Судом Правила 39, по мнению заявителя, это не возмещало отсутствия во внутригосударственном законодательстве положений, регулирующих такое содержание под стражей. Ссылаясь на дело *Азимова*, упомянутое выше, пункты 172-73, заявитель утверждал, что содержание под стражей в ожидании высылки не должно превышать максимальный срок содержания под стражей в качестве административного наказания, так как иначе оно являлось карательной мерой, а не мерой пресечения.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

175. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

176. Заявитель был заключен под стражу 17 сентября 2012 г. с целью его административного выдворения (высылки) из России. 19 сентября 2012 г. Мещанский районный суд г. Москвы признал заявителя виновным в нарушении правил пребывания, распорядился о его административном

выдворении из Российской Федерации, и поместил его под стражу в ожидании выдворения. После вынесения указанного решения заявитель был помещен в изолятор временного содержания для иностранцев в г. Москве, где он остается под стражей. Высылка в административном порядке приравнивается к форме «депортации» в соответствии с положениями подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Следовательно, подпункт(f) пункта 1 статьи 5 Конвенции применим к настоящему делу.

177. Суд напоминает, что лишение свободы, произведенное на основании подпункта(f) пункта 1 статьи 5 Конвенции, должно быть «законным». Если под вопрос ставится «законность» содержания под стражей, включая соответствие «порядку, установленному законом», Конвенция непосредственно ссылается на внутригосударственное право и указывает на обязательство соблюдать материальные и процессуальные нормы права. Однако соблюдения норм национального законодательства недостаточно: Пункт 1 статьи 5 Конвенции дополнительно требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5 Конвенции, которая заключается в защите лица от произвола (см.«*A. и другие против Соединенного Королевства*» (*A. and Others v.the United Kingdom*) [БП], жалоба №3455/05, пункт 164, ЕСПЧ 2009, с дальнейшими ссылками). Основополагающий принцип заключается в том, что никакое произвольное заключение под стражу не может соответствовать требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции, а понятие «произвол», содержащееся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, не ограничивается несоблюдением норм национального права, вследствие чего лишение свободы может являться правомерным в рамках национального законодательства, но при этом быть произвольным и, следовательно, противоречащим требованиям Конвенции. Чтобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта(f) пункта 1 статьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылались власти; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срока, обоснованно необходимого для достижения преследуемой цели (см.постановление по делу *Рустамова*, упомянутое выше, пункт 150, с дальнейшими ссылками).

178. Стороны сошлись во мнениях по поводу того, что заявитель проживал в России нелегально как минимум в течение полутора лет до его задержания и, следовательно, совершил административное правонарушение, наказуемое высылкой. Суд напоминает, что, в принципе, срок содержания под стражей будет являться законным в том случае, если такое содержание под стражей осуществляется на основании судебного постановления (см.постановление Европейского Суда от 27сентября 2011года по делу «*Алим против России*» (*Alim v.Russia*), жалоба №39417/07, пункт55). Суд удовлетворен тем, что 17

сентября 2012 г. заявитель был заключен под стражу в соответствии с пунктом 2 статьи 27.5 Кодекса об административных правонарушениях и что 19 сентября 2012 г. распоряжение о его заключении под стражу в ожидании высылки было вынесено судом, обладающим юрисдикцией в отношении данного вопроса, и в связи с правонарушением, подлежащим наказанию в виде высылки. Кроме того, Суд отмечает, что российский суд сослался на отсутствие у заявителя стабильного дохода и места жительства в России, и на продолжительность его пребывания в России без разрешения, при том, что он знал о необходимости получения такого разрешения, в качестве оснований для его заключения под стражу (см. пункт 39 выше). Таким образом, Суд приходит к выводу, что власти действовали в соответствии с буквой национального закона.

179. Тем не менее, заявитель возразил, что его заключение под стражу в рамках административных разбирательств было применено с целью обеспечения его возвращения в Узбекистан, несмотря на отклонение запроса о выдаче, и следовательно, его высылка привела бы к скрытой выдаче.

180. Суд повторяет, что содержание под стражей может быть незаконным, если его предполагаемая цель отличается от фактической (см. «*Бозано против Франции*» (*Bozano v. France*), 18 декабря 1986 г., Серия А № 111, пункт 60; дело *Чонка*, упомянутое выше, пункт 42, ЕСПЧ 2002-I; и «*Ходорковский против России*» (*Khodorkovskiy v. Russia*), жалоба № 5829/04, пункт 142, 31 мая 2011 г.).

181. Суд отмечает, что в деле *Азимова*, упомянутом выше, пункт 165, он пришел к выводу о том, что решение о заключении заявителя под стражей в ожидании высылки использовалось для обхода максимальных сроков, предусмотренных внутригосударственным законодательством в отношении содержания под стражей в ожидании выдачи. Тем не менее, настоящее дело отличается от дела *Азимова* в нескольких аспектах.

182. Во-первых, и что важнее всего, в деле *Азимова* распоряжение о его содержании под стражей в ожидании высылки было вынесено в то время, когда судебные разбирательства по вопросу о выдаче еще не были завершены, но максимальный срок содержания под стражей в ожидании выдачи истек. В рассматриваемом же деле власти заключили заявителя под стражу в рамках разбирательств по вопросу об административном выдворении после того, как запрос Узбекистана о выдаче заявителя был отклонен. Следовательно, указанное распоряжение не могло служить для обхода максимальных сроков, предусмотренных во внутригосударственном законодательстве в отношении содержания под стражей в ожидании выдачи.

183. Во-вторых, в деле *Азимова* Суд подчеркнул два особых элемента, которые приводят к сомнениям в добросовестности властей при вынесении распоряжения о заключении заявителя под стражу в ожидании высылки: (i) один и тот же суд рассматривал дело заявителя о выдаче и рекомендовал правоохранительным органам повторно заключить заявителя под стражу на новом основании; и (ii) выдача заявителя находилась «под контролем Президента Российской Федерации», что предполагает, что передача заявителя запрашивающим властям - в данном случае таджикским - должна была рассматриваться в качестве приоритетной. Тем не менее, в рассматриваемом деле не присутствует ни один из указанных элементов.

184. Следовательно, в обстоятельствах настоящего дела Суд не может считать несомненно установленным то, что власти руководствовались ненадлежащими причинами при возбуждении административного дела в отношении заявителя и заключении его под стражу с целью высылки. Вероятно, власти первоначально не инициировали разбирательства по вопросу о выдаче, так как считали, что разбирательства по вопросу о выдаче могут привести к тому же результату, а именно к высылке заявителя с территории России. Следовательно, одновременное начало разбирательств по вопросу о выдаче могло привести к дублированным результатам и привести к напрасной трате административных и судебных ресурсов. Таким образом, Суд считает, что содержание заявителя под стражей в ожидании высылки преследовало одну из законных целей, указанных в подпункте (f) пункта 1 статьи 5, а именно, к обеспечению его «депортации».

185. Суд также отмечает, что, даже если цель содержания под стражей является законной, его продолжительность не должна превышать срока, обоснованно необходимого для достижения преследуемой цели (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *«Шакуров против России»*, упомянутое выше, пункт 162). В настоящем деле, до того как власти распорядились о заключении заявителя под стражу в ожидании высылки, заявитель уже содержался под стражей с целью выдачи в течение шести месяцев. Законность содержания заявителя под стражей была рассмотрена Судом в пунктах 145-153 выше. Что касается содержания заявителя под стражей в ожидании высылки, Суд рассмотрит два указанных периода отдельно.

(а) Содержание заявителя под стражей в период с 17 сентября по 19 сентября 2012 года

186. Суд отмечает, что 17 сентября 2012 г. заявитель был задержан в соответствии со статьей 18.8 Кодекса об административных правонарушениях по подозрению в нарушении правил проживания. 19 сентября 2012 г. Мещанский районный суд г. Москвы признал его виновным

в совершении административного правонарушения и распорядился о его административном выдворении и помещении под стражу в ожидании высылки. Из этого следует, что содержание заявителя под стражей с 17 по 19 сентября 2012 г. соответствовало процедуре, предусмотренной законом, и соответствовало сроку в сорок восемь часов, предусмотренному пунктом 2 статьи 27.5 Кодекса об административных правонарушениях.

187. Следовательно, в отношении данного периода времени не было нарушения подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(b) Содержание заявителя под стражей в период с 19 сентября 2012 года

188. Мещанский районный суд г. Москвы распорядился о помещении заявителя под стражу в ожидании административного выдворения 19 сентября 2012 г.; 4 октября 2012 г., после запроса заявителя, Суд указал властям, в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, что заявитель не подлежит высылке в Узбекистан до завершения разбирательств по его делу в Суде. В то же время заявитель подал апелляцию в отношении распоряжения от 19 сентября 2012 г., и указанная апелляция была оставлена Московским городским судом без изменений 10 октября 2012 г. Содержание заявителя под стражей в этот период связано, главным образом, с временной приостановкой исполнения распоряжения о высылке всвязи суказанием Суда на основании правила 39 Регламента Суда.

189. Суд напоминает в связи с этим, что Договаривающиеся Стороны в соответствии со статьей 34 Конвенции обязаны соблюдать временные меры, наложенные согласно правилу 39 Регламента Суда (см. постановление по делу *Маматкулова и Аскарова (Mamatkulov and Askarov)*, упомянутое выше, пункт 99–129, ЕСПЧ 2005-I). Тем не менее, осуществление указанной Судом промежуточной меры само по себе не имеет значения при разрешении вопроса о том, соответствует ли лишение свободы, которому может быть подвергнуто лицо, пункту 1 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу *«Гебрмедхин (Габерамадхиен) против Франции» (Gebremedhin [Gaberamadhién] v. France)*, жалоба №25389/05, пункт 74, ЕСПЧ 2007-II). Содержание под стражей все же должно быть законным и не произвольным.

190. В ряде дел, в которых государства-ответчики воздержались от депортации заявителей в соответствии с запросом Суда, направленным на основании правила 39 Регламента Суда, Суд был готов признать, что производство по делу о высылке было временно приостановлено, но, несмотря на это, «завершено не было», и что, следовательно, нарушения подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции допущено не было (см. *«Аль Ханчи против Боснии и Герцеговины» (Al Hanchi v. Bosnia and Herzegovina)*, жалоба

№ 48205/09, пункты 49-51, 15 ноября 2011 г.; «*Аль Хусин против Боснии и Герцеговины*» (*AlHusin v. Bosnia and Herzegovina*), жалоба № 3727/08, пункты 67-69, 7 февраля 2012 г.; и «*Умиров против России*» (*Umirov v. Russia*), жалоба № 17455/11, пункты 138-42, 18 сентября 2012 г.).

191. Исходя из этого, приостановление производства по делу, ведущегося на внутригосударственном уровне, в связи с указанием промежуточной меры Судом, не должно приводить к тому, что заявитель будет находиться в заключении в течение необоснованно длительного срока. В данном случае Суд отмечает, что судами не было установлено в явной форме никаких конкретных сроков содержания заявителя под стражей с целью обеспечения возможности высылки (см. пункты 39 и 48 выше). В соответствии с пунктом 1 статьи 31.9 КоАП РФ, решение о высылке должно быть исполнено в течение двух лет (см. пункт 96 выше). Таким образом, после истечения этого срока заявитель должен быть освобожден. Предположительно, так и будет сделано, однако возможные последствия, вытекающие для заявителя из пункта 1 статьи 31.9 КоАП РФ с точки зрения содержания его под стражей, будут зависеть от того, как будет истолковано данное положение; к тому же норма, ограничивающая продолжительность содержания незаконного иммигранта под стражей, определена законом нечетко. Также неясно, что произойдет после истечения двухлетнего срока, так как с точки зрения иммиграционного законодательства заявитель, безусловно, останется нелегалом и вновь будет подлежать высылке, а следовательно, и содержанию под стражей на этом основании (см. дело *Азимова*, упомянутое выше, пункт 171).

192. В связи с этим Суд также отмечает, что в соответствии с действующим КоАП РФ предельный срок наказания за совершение административного правонарушения в виде лишения свободы составляет тридцать дней (см. пункт 98 выше), и что содержание под стражей с целью высылки не должно носить карательный характер и при этом должно сопровождаться предоставлением соответствующих гарантий, установленных Конституционным судом Российской Федерации (см. пункт 100 выше). В настоящем деле мера «пресечения» являлась более суровой, чем «карательная», что не соответствует нормам (см. дело *Азимова*, упомянутое выше, пункт 172). Суд также повторяет, что в течение всего периода содержания заявителя под стражей, когда действовала временная мера, примененная Судом, власти не осуществили повторное рассмотрение вопроса законности продолжительного содержания заявителя под стражей (см. пункты 199-204 выше).

193. Наконец, хотя власти были осведомлены о том, что рассмотрение дела в Суде займет определенное время, они не предприняли попыток нахождения «альтернативных решений», которые обеспечили бы исполнение распоряжения о высылке в случае отмены временной меры в соответствии с

Правилом 39 (см. «Кешмири против Турции» (*Keshmiri v. Turkey*) (№ 2), жалоба № 22426/10, пункт 34, 17 января 2012 г., и дело *Азимова*, упомянутое выше, пункт 173).

194. С учетом вышеуказанных соображений Суд приходит к выводу, что по настоящему делу было допущено нарушение подпункта(f) пункта1 статьи5 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С СОДЕРЖАНИЕМ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ В ОЖИДАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЫДВОРЕНИЯ

195. Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 4 статьи 5 на то, что внутригосударственное законодательство не предусматривало периодический пересмотр законности содержания под стражей после вынесения решения об административном выдворении, а также возможности для инициации такого пересмотра.

А. Доводы сторон

1. Доводы Властей

196. Власти указали, что заявитель располагал правом обжалования решения в отношении административного правонарушения от 19 сентября 2012 г. Власти также указали, что иностранные граждане обычно содержатся в специальном учреждении в ожидании административного выдворения в течение очень непродолжительного периода времени, так решения об административном выдворении исполняются немедленно.

2. Заявитель

197. Заявитель указал, что его жалоба относилась не столько к первоначальному решению о заключении его под стражу в ожидании административного выдворения, сколько к невозможности добиться пересмотра такого решения по истечении определенного срока. Попытка его адвоката добиться такого пересмотра посредством подачи заявления о разъяснении в соответствии со статьей 31.8 Кодекса об административных правонарушениях была безуспешной, и суды фактически не рассмотрели указанное заявление, а отклонили его простым письмом, отправленным с четырехмесячной задержкой. Следовательно, заявитель был не в состоянии иницировать судебные разбирательства с целью пересмотра законности его текущего содержания под стражей, в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

198. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

199. Европейский Суд повторяет, что целью пункта 4 статьи 5 Конвенции является обеспечить задержанным и помещенным под стражу лицам право на судебный контроль за законностью применения меры пресечения, которая к ним применяется (см., *mutatis mutandis* «*Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии*» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*) от 18 июня 1971 г., Серия А, № 12, пункт 76). В период содержания лица под стражей оно должно иметь средство правовой защиты, позволяющее обеспечить безотлагательный судебный пересмотр вопроса о правомерности содержания под стражей. Такой пересмотр должен быть способен повлечь, при наличии соответствующих оснований, освобождение лица. Существование средства правовой защиты, предусмотренного пунктом 4 статьи 5 Конвенции, должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, так как в противном случае оно не будет обладать доступностью и эффективностью, которых от него требует смысл данного положения (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «*Исмоилов и другие против России*», упомянутому выше, пункт 145, с дальнейшими ссылками).

200. В деле *Азимова*, упомянутом выше, пункт 151, Суд пришел к выводу, что обжалование первоначального решения в судебных разбирательствах по вопросу о выдаче не предусматривает судебного пересмотра заключения под стражу в ожидании выдачи. Аналогично делу *Азимова*, суть жалобы заявителя на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции заключалась не в оспаривании первоначального постановления о заключении его под стражу, а в отсутствии у него возможности добиться судебного пересмотра вопроса о содержании его под стражей по истечении определенного времени. Как Суд дополнительно отметил в деле *Азимова* (там же), содержание под стражей в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5, как правило, длится в течение значительного периода времени и зависит от обстоятельств, изменяющихся с течением времени. Учитывая, что после вынесения решения по апелляции 10 октября 2012 г. заявитель уже провел в заключении около семнадцати месяцев, новые вопросы, влияющие на законность соответствующего содержания под стражей могли возникнуть за указанный период времени. При таких обстоятельствах Суд считает, что требование,

содержащееся в пункте 4 статьи 5 Конвенции, не было учтено в первоначальном постановлении о заключении под стражу от 19 сентября 2012 года и не было выполнено судом кассационной инстанции.

201. Суд повторяет, что на основании пункта 4 статьи 5 задержанный имеет право обратиться с ходатайством в «суд» для «безотлагательного» решения вопроса о том, можно ли считать лишение его свободы «правомерным» в свете новых фактов, возникших уже после принятия первоначального постановления о содержании под стражей (см. *«Ходжаев против России» (Khodzhayev v. Russia)*, жалоба №52466/08, пункты 125-31, 12 мая 2010 г.).

202. Суд отмечает, что заявитель не пытался добиться судебного пересмотра вопроса о содержании его под стражей в ожидании высылки. Тем не менее, власти не указали положение национального законодательства, которое позволило бы заявителю сделать это. Суд также отмечает, что в течение вышеуказанного периода автоматического периодического продления срока содержания заявителя под стражей не производилось, как и судебного пересмотра данного вопроса.

203. Из этого следует, что в течение содержания заявителя под стражей в ожидании высылки он не располагал процедурой судебного пересмотра законности такого содержания под стражей (см. дело *Азимова*, упомянутое выше, пункты 153-54).

204. Следовательно, было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении неспособности заявителя добиться судебного пересмотра его заключения под стражу после 19 сентября 2012 г.

VIII. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

205. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции настоящее постановление не станет окончательным, пока а) стороны не заявят, что они не будут ходатайствовать о передаче дела в Большую Палату, б) в течение трех месяцев с даты вынесения постановления не поступит запроса о передаче дела в Большую Палату, или в) коллегия Большой Палаты не отклонит все запросы о передаче дела согласно статье 43 Конвенции.

206. Суд отмечает, что в настоящее время заявитель содержится под стражей в России и до сих пор формально подлежит экстрадиции/высылке на основании вступивших в силу постановлений российских судов по данному делу. Принимая во внимание вывод о том, что в Узбекистане заявителю будет грозить серьезная опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению, Суд считает, что указание, данное властям на основании правила 39 Регламента Суда (см. пункт 4 выше), должно

оставаться в силе до вступления настоящего постановления в силу или до получения властями дальнейших распоряжений.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

207. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд приходит к заключению, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

208. Заявитель требовал 25 000 евро в качестве возмещения морального ущерба, понесенного в результате страданий и чувства бессилия, причиненных его содержанием под стражей в ожидании выдачи и высылки, а также по причине тревоги в связи с перспективой возвращения в страну, где он будет подвергнут риску жестокого обращения.

209. Власти указали в отношении части требований заявителя, относящихся к риску жестокого обращения при возвращении в Узбекистан, что статья 41 Конвенции не предусматривает присуждение справедливой компенсации за нарушения, которые еще не были совершены. Таким образом, по мнению властей, соответствующие требования должны быть отклонены.

210. Суд отмечает, что в данном деле пока не произошло какого-либо нарушения статьи 3 Конвенции. Тем не менее, Суд установил, что принудительное возвращение заявителя в Узбекистан, в случае его осуществления, приведет к нарушению данного положения. Суд считает, что его вывод относительно нарушения статьи 3 Конвенции сам по себе является достаточной справедливой компенсацией по смыслу статьи 41 Конвенции.

211. Суд также отмечает, что он отклонил определенные жалобы, но установил, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 и пункта 4 статьи 5 Конвенции. Суд признает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом установления нарушения. Суд присуждает заявителю 7 500 евро в качестве компенсации морального ущерба, плюс любой налог, который может взиматься с указанной суммы.

B. Расходы и издержки

212. Заявитель также требовал 9900 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных им во внутригосударственных судах и в Европейском Суде. Данная сумма включает работу Рябининой по подготовке информации о ситуации с правами человека в Узбекистане и применению правила 39, которая длилась пять часов в соответствии со ставкой 100 евро в час, итого 500 евро. Указанная сумма расходов и издержек также включает работу Ермолаевой по представлению заявителя во внутригосударственных судебных разбирательствах и в Европейском Суде. В соответствии с таблицей, представленной заявителем, работа Ермолаевой включала девять часов и четыре часа работы, в соответствии со ставкой 100 евро в час, итого 9 400 евро.

213. Власти отметили, что заявитель представил разбивку стоимости работы, выполненной его представителями, но не представил соглашения о предоставлении юридической помощи, или других документов, определяющих их ставку в час. Дополнительно, так как представители заявителя специализировались на делах о выдаче и высылке в страны СНГ, власти выразили сомнения в отношении того, что настоящее дело потребовало исследований и подготовки в степени, указанной заявителем.

214. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой он доказал, что такие расходы и издержки действительно имели место, были необходимыми и являлись целесообразными с точки зрения их размера. В настоящем деле, учитывая документы, имеющиеся в его распоряжении, и вышеуказанные критерии, а также тот факт, что не установлено нарушение в отношении данной части жалобы, Суд считает целесообразным присудить сумму в 8000 евро с целью покрытия расходов по всем статьям, плюс налог, который может взиматься с заявителя, и отклонить остальную часть требований в этом отношении.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

215. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Объявил* жалобы в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статей 3 и 5, и пунктом 4 статьи 5 в отношении содержания заявления под стражей в ожидании административного выдворения и статьей 13 совместно со статьей 3 приемлемыми, остальную часть жалоб - неприемлемой;

2. *Постановил*, что принудительное возвращение заявителя в Узбекистан привело бы к нарушению статьи 3 Конвенции;
3. *Постановил*, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статьи 13 Конвенции;
4. *Постановил*, что в отношении содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции с 17 по 19 марта 2012 г. не было допущено нарушения подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.
5. *Постановил*, что в отношении содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции с 19 марта по 15 мая 2012 г. было допущено нарушение подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.
6. *Постановил*, что в отношении содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции с 15 мая по 17 сентября 2012 г. не было допущено нарушения подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.
7. *Постановил*, что в отношении содержания заявителя под стражей в ожидании выдворения с 17 по 19 сентября 2012 г. не было допущено нарушения подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции;
8. *Постановил*, что в отношении содержания заявителя под стражей в ожидании выдворения с 19 сентября 2012 г. было допущено нарушение подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции;
9. *Постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с недоступностью процедуры, которая обеспечила бы судебный пересмотр вопроса о правомерности содержания заявителя под стражей в ожидании высылки;
10. *Принял решение о том*, что власти должны продолжать выполнять указание, данное им на основании Правила 39 Регламента Суда, согласно которому заявитель не подлежит выдворению в Узбекистан или любую другую страну до вступления настоящего постановления в силу или же до получения властями дальнейших распоряжений;
11. *Постановил*,
 - (a) что в течение трех месяцев, начиная со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, государство-ответчик обязано выплатить заявителю нижеприведенные суммы с последующим переводом в рубли по курсу на день выплаты:
 - (i) 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения морального ущерба;

- (ii) 8000 (восемь тысяч) евро плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
- (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процента;

12. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 28 мая 2014 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель